

Максим Власов

Символ разума

Роман о границах ума

Максим Власов

Символ разума

«Автор»

2026

Власов М.

Символ разума / М. Власов — «Автор», 2026

Юра недоволен собой. Он не может связать трёх слов под чужим взглядом. Профессор предлагает ему эксперимент, где вместе с искусственным интеллектом он учится видеть связи там, где раньше был хаос. Постепенно он понимает, что настоящий ум — не скорость и не объём знаний, а умение не путать красивую мысль с истиной и вовремя останавливаться. Книга о том, что ощущения приходят раньше мыслей, что живого человека нельзя превращать в задачу, и что самое трудное — научиться вовремя не думать.

© Власов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Максим Власов	5
Глава 1. Человек, который не понимает	6
Глава 2. Профиль пустого места	21
Глава 3. Тошнота понимания	35
Глава 4. Маленькая модель	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Максим Власов

Символ разума

Максим Власов

Понимание — это не больше информации и не выше IQ. Это умение переводить одну систему описания в другую, не схлопывая мир в любимую картинку и явно сохраняя непере-
водимый остаток.

Усиленный ум без остатка производит не мудрость, а изящную глупость.

ИИ без человека не знает, что важно. Человек без ИИ не успевает проверить, не врёт ли он себе красотой.

Символ-0 — не формула вселенной. Это пауза, ставшая инструментом.

Глава 1. Человек, который не понимает

Целлофановый пакет в руках шуршал сухо и тревожно, как чужая записка.

Дешёвый хлеб-кирпичик в нарезке казался чуть влажным даже сквозь плёнку, а дата на этикетке упрямо твердила, что он сегодняшний, хотя верилось в это с трудом. Юра раздвинул края пакета и наклонился к нему так, будто искал внутри не хлеб, а какой-то важный ответ. Кухня всё ещё пахла минувшей ночью: остывшей конфоркой плиты, сырым полотенцем, забытым на спинке стула, и чьей-то недопитой, помутневшей заваркой в кружке. За окном сырая осень безжалостно срывала со двора последние листья — так, словно живьём сдирала с деревьев кожу.

Воздуха внутри пакета хватило ровно на два вдоха. На третьем он окончательно всё понял. Того самого запаха не было.

То есть какой-то запах, конечно, присутствовал. Пахло дешёвыми заводскими дрожжами. Сладковатой химией консервантов. Специфическим душком пластиковой упаковки, в которую на хлебокомбинате фасуют всё подряд — и кирпичик, и батон, и вчерашние нераспроданные остатки. Но это был совершенно не тот аромат. Не бабушкин. Настоящий хлебный дух должен был подниматься навстречу сам, естественно и без спроса, как рефлекторно поднимается рука, когда тебя окликают по имени. Тёплый, плотный запах хлеба с хрустящей корочкой, которая сначала упруго сопротивляется зубам, а потом ломается и сдаётся сразу вся. Тот, настоящий запах жил в самих руках: в белой мучной пыли на запястьях, в глухом ударе ладонью по пышной опаре, в том неуловимом движении, с которым бабушка переворачивала горячую форму, даже не глядя на неё, потому что её пальцы наизусть помнили правильный вес.

Юра постоял ещё немного, вдыхая этот суррогат. Внутри шевельнулся стыд — тихий, карманный, незаметный. Словно прореха, сквозь которую незаметно утекают последние монеты, а ты лишь делаешь вид, что всё в порядке, убеждая себя, что этой мелочи всё равно ни на что бы больше не хватило, кроме этой дешёвой гадости.

За его спиной неслышно прошла мать. Она шлёпала босиком, хотя кафель на полу был ледяным. — Чайник поставишь? — бросила она куда-то в пустоту пространства, даже не взглянув на сына. Голос её звучал абсолютно ровно — так говорит человек, который уже измерил глубину этого безрадостного утра и точно знает его потолок.

— Сейчас поставлю.

Он заварил ей то, что нашлось на полке: дешёвый чай в пакетиках с яркой картинкой цветущего сада, которого никогда не существовало в реальности. Себе Юра просто отломил горбушку от заводского кирпичика. Влажный мякиш вязко прилип к нёбу, так и не подарив ожидаемого утешения из детства. Он бездумно жевал этот хлеб и смотрел в окно, где серый, унылый двор изо всех сил делал вид, что происходящее вокруг — это просто плохая погода, а не пожизненный приговор.

Отец всё ещё спал. Спальня тяжело и хрипло дышала сквозь слегка приоткрытую дверь — это был тот особый, изнурительный сон человека, которому прошедшая ночь не принесла ни сил, ни здоровья. Юра узнал этот надрывный звук ещё лет с пятнадцати. Однако просто узнавать звук и уметь хотя бы что-то с ним сделать — это, как выяснилось, разные навыки.

Собрался он быстро, на автомате. Дешёвая осенняя куртка висела на крючке в прихожей так понуро, словно успела устать от жизни ещё до того, как её надели. Пошарив в кармане, Юра наткнулся на забытую жвачку, скомканный магазинный чек и канцелярскую скрепку. Скрепку он бережно вернул на место: его руки любили осязать мелкие предметы, у которых, в отличие от него самого, была чёткая и понятная работа. На тумбочке возле зеркала дожидался потрёпанный проездной. Юра мельком бросил взгляд на своё отражение. Из мутноватого стекла на него смотрел двадцатипятилетний парень, чьё лицо ещё окончательно не определилось, станет

ли оно со временем умным. Зато плечи всё решили давно: они были вечно, невротически приподняты — чуть выше, чем полагается расслабленному телу, словно Юра постоянно ждал, что кто-то невидимый вот-вот окликнет его со спины.

— Юр, ты бы зонтик взял, — донеслось из кухни монотонным голосом матери.

— Он сломан.

— Тогда хоть шапку надень.

Шапка осталась ещё с прошлого года — растянутая, покрытая мелкими катышками. Натянув её на голову, Юра мгновенно почувствовал себя нелепым школьником, которого выпроваживают в осеннюю слякоть с дежурным наказом не простудиться и не позорить семью. И, как это всегда бывало, наказ этот касался вовсе не заботы о здоровье.

На лестничной клетке привычно пахло жареными соседскими котлетами и застарелой сыростью бетона. Лифт, нутужно дрогнув, пополз вниз так неуверенно, словно сам сомневался, стоит ли туда ехать. На обшарпанной стенке кабины темнел влажный след — накануне кто-то прислонил к ней мокрый мусорный пакет, и теперь там красовался грязный полумесяц. Юра долго смотрел на это пятно, отстранённо думая о том, что оно удивительно похоже на недописанную типографскую скобку. А затем мысленно одёрнул себя: ну вот, опять. Красивые, бесполезные аналогии прибывались к его сознанию сами, как бродячие собаки к человеку с едой, и толку от них было ровно столько же.

На работе дурацкими метафорами зависший тариф не починишь. Там нужно говорить чётко по скрипту, смотреть клиентам в глаза и не терять нить разговора на середине сложной фразы.

Улица встретила его огромной лужей, очертаниями напоминавшей неведомый, не существующий на картах материк. Мокрый асфальт послушно держал в себе перевёрнутое вверх ногами небо: клочья рваных свинцовых облаков, провисший чёрный провод и отражение чужого окна с уютной жёлтой занавеской. Юра тяжело ступил прямо в лужу, безжалостно разбив эту хрупкую картинку. Осень в их районе никогда не бывала золотой, как на картинках, только промозглой, суровой, рабочей, насквозь пропахшей прелыми листьями и чем-то ещё, что вызывало неприятные ассоциации. В такую погоду город даже не пытался принарядиться или казаться красивым. Он просто угрюмо стоял под дождём и тёк грязными ручьями.

В переполненной маршрутке наглухо запотели окна, и чужое, спёртое людское тепло тут же липким воротником село ему на шею. Кто-то на заднем сиденье смотрел видеоролики без наушников: записанный смех бил по ушам короткими, резкими очередями, как из дешёвого автомата. Юра пристроился у поручня и уставился в свой телефон, даже не пытаясь разблокировать экран. Тёмное стекло отражало лишь кусок его собственного усталого лица и фрагмент чьей-то чужой куртки. Ему мучительно хотелось понять, в какую именно секунду это обыденное утро успело превратиться в день окончательного диагноза его жизни. А потом он устало прикрыл глаза, подумав о том, что «день диагноза» — это опять лишь дурацкая литературная красивость.

И никакая красивость в этом мире не поможет ему оплатить счёт за интернет.

На остановке у бизнес-центра из маршрутки вышли трое. Их куртки были почти одинаковыми, и стояли, казалось, дороже самой жизни. Юра вышел двумя остановками позже — у обшарпанной трёхэтажки с вывеской «НЕ(Т)КОМ». Буква «Т» в названии мигала уже давно, но никто не собирался её чинить: провайдеры не продают свет сами себе.

Офис мелкого интернет-провайдера привычно пах пылью, скопившейся в системных блоках, дешёвым кофе из автомата и чужими обедами, запертыми в общем холодильнике. Ковровая плитка на полу послушно запоминала шаги, чтобы тут же отдать их обратно ватным, глухим звуком. На ресепшене Лида безразлично жевала салат из пластикового контейнера, даже не поднимая глаз на вошедшего.

— Орлов, тебя уже ищут, — монотонно сообщила она прямо в свой салат. — Серёжа в совещалке.

Слово «ищут» в стенах этой конторы означало вовсе не «ты нужен», а, скорее, «нашёлся удобный крайний».

«Совещалка» — это небольшая комната, отделенная от остального пространства стеклянной перегородкой. Она напоминала прозрачный аквариум для провинившихся. За столом сидели четверо: начальник абонентского отдела Сергей Викторович, Катя из отдела продаж, которая даже голосом умела профессионально улыбаться, технарь Вова, который отличался умением вовремя молчать, и разгневанный клиент, изображение которого транслировалось на мониторе в виде пиксельного квадрата с плохим освещением. Это был мужчина лет сорока, который уже твердо решил, что его здесь не ценят.

Юра шагнул внутрь, но его напряжённые, ссутуленные плечи, казалось, вошли в кабинет раньше него самого.

Он осознал это не умом, а ощутил всем телом, словно болезненную сборку механизма: лопатки рефлекторно сошлись, шея втянулась в плечи, а дыхание застряло где-то в самом верху груди, запертое, как в тесной кладовке. Голова ещё только плыла по коридору, а тело уже точно знало: на него смотрят. Смотрят — значит, сейчас заставят отвечать по порядку. А «по порядку» означало лишь одно: то место в мозгу, где обычно живут нужные слова, прямо сейчас мгновенно обнулится.

— Садись, — сказал Сергей Викторович. Его голос звучал уверенно и официально, словно он обращался к большой аудитории. — Юра сейчас расскажет, почему абонент целый месяц платил за один тариф, но фактически пользовался другим. А когда решил расторгнуть договор, вдруг узнал, что выход из нашей сети стоит как новый телевизор.

Пиксельный квадрат на экране нервно моргнул.

— Я не месяц плачу, — отрезал клиент. — А целых девять недель. И я с самого начала просил перевести меня на живого человека, а не на бота!

Юра сел на стул. Сиденье было чуть ниже, чем он ожидал. Его руки тяжело опустились на столешницу. В ту же секунду они стали казаться умнее его лица: пальцы сами нашли край блокнота, ребристый угол стола и начали ковырять ноготь. Руки всегда знали, чем себя занять. Лицо — нет.

— Там просто два тарифа, — начал он, и тут же услышал свой собственный голос словно со стороны — тонкий, срывающийся, как у провинившегося школьника у доски. — «Домашний-300» и «Домашний-300 плюс». Они... они стоят рядом в таблице. В нашей старой таблице. В новой базе их уже разнесли, но вот в личном кабинете... в старом кабинете ярлык почему-то остался от...

Он всё знал. Знал абсолютно точно. Ещё два дня назад он сам раскопал, как именно кривой шаблон автописьма из две тысячи восемнадцатого года подтягивает к себе не ту строку из базы: тарифы «300» и «300 плюс» отличались в коде всего одной незаметной галочкой, но при этом целым миром невыполнимых обещаний. Юра прекрасно знал, что клиенту ушло письмо с правильным названием, но с совершенно неправильной скоростью. Знал, что Катя из продаж постоянно ставит галочку «с условиями ознакомлен» за самого человека, потому что иначе её чёртова воронка продаж просто не закрывается. Он знал даже то, в какой именно строчке кода торчит этот ржавый программный гвоздь.

Но на него смотрели.

Смотрел Сергей Викторович, смотрела Катя, молчал и смотрел Вова, пялился квадрат с экрана, давило стекло переговорки, и даже собственное жалкое отражение в тёмном пластике монитора смотрело прямо на него. Рабочая память — эта короткая мысленная столешница в голове, на которой нужно было прямо сейчас удержать четыре сложных аргумента одновременно, — мгновенно обнулилась, словно кто-то безжалостно выдернул шнур удлинителя из

розетки. Все аргументы с грохотом попадали на пол и рассыпались в пыль. Остались только сведённые судорогой плечи, невыносимый жар в ушах и пересохшее горло, которым нужно было срочно говорить.

— То есть вы хотите сказать, что сами путаете свои же тарифы? — ядовито уточнил клиент.

— Нет, не путаем! — быстро выпалил Юра и тут же запнулся. — То есть, сама система... точнее, шаблон... я лишь хотел сказать, что письмо автоматически собирается не из того поля, и именно поэтому...

— Юра, — Сергей Викторович улыбнулся той самой снисходительной улыбкой, которой большое начальство изящно отделяет себя от чужой непроходимой глупости. — Давай по-человечески. Человек просто хочет понять, почему он должен платить нам свои деньги за наше же корпоративное враньё.

Катя тихо, деликатно кашлянула в кулак. Вова упорно сверлил взглядом стол, всем своим видом изображая человека, которого сегодня к доске не вызывали.

Юра сглотнул и попробовал снова. Внутри, в голове, всё было кристально ясно, как нарисованная на салфетке схема: поле «А» подтягивает старое имя, поле «Б» тащит новую скорость, менеджер не глядя ставит галочку, клиент читает одно, получает по факту другое, спустя девять недель хочет уйти, но кривой договор мёртвой хваткой держит его за хвост. Эта схема жила внутри Юры яркими образами, цветными стрелками, он чувствовал её почти физически: вот тут системный зажим, а вот тут — фатальная протечка. Но вслух требовалось выдать не образы, а логичную последовательность слов. И эта последовательность под чужими тяжёлыми взглядами тут же распадалась на жалкие обрывки фраз, которые, казалось, сами стыдились друг друга.

— Если говорить коротко... — начал он и тут же безнадёжно потерял нить этого «коротко». — Мы вам должны были... то есть нет, подождите. Вам в письме должны были прийти одни цифры. А по факту пришли другие. Это не ваша вина. Это программная ошибка у нас в шаблоне рассылки. Я могу прямо сейчас...

— Можешь что? — перебил Сергей Викторович мягко, почти ласково. — Вернуть человеку месяц впустую потраченной жизни?

Квадрат на экране презрительно хмыкнул.

Юра замолчал. Напряжённые плечи сковывали его, как тесная чужая одежда. Он физически чувствовал, как густая кровь толчками бьёт в шею, и почему-то вдруг вспомнил утренний хлеб: как пакет расшуршался, обнадёжил, но внутри не оказалось ничего настоящего. Точно так же было и сейчас. Внутри жила чёткая, выверенная правда, а наружу выдавливался лишь дешёвый заводской суррогат вместо нормальной фразы.

— Мы обязательно сделаем вам перерасчёт, — внезапно вступила Катя, вложив в голос всю свою фирменную корпоративную улыбку. — Конечно же, всё пересчитаем! Юра просто ошибся в коммуникации, с кем не бывает. В качестве извинения мы дарим вам месяц бесплатного обслуживания, хорошо?

«Юра ошибся». Эта лёгкая фраза легла на стол тяжело, как свинцовая печать. Виноват не кривой шаблон. Не её поддельная галочка в системе. Не двухлетняя программная гниль в базе. Во всём виноват Юра.

Клиент ещё немного для порядка порассуждал о корпоративных принципах и об элементарном уважении. Сергей Викторович сочувственно кивал экрану так рьяно, словно эти самые принципы были его личным авторским изобретением. Наконец, звонок прервался, экран погас, и стекло совещательной комнаты мгновенно перестало быть прозрачным аквариумом: оно снова превратилось в обычную заляпанную стекляшку, за которой на ресепшене Лида продолжала безразлично доедать свой салат.

Сергей Викторович с глухим хлопком закрыл крышку ноутбука.

— Орлов. Задержись на пару слов.

Катя и Вова выскользнули за дверь так быстро и бесшумно, как могут исчезать только люди, которых сегодня миновала плаха. Юра остался. Его руки всё так же судорожно цеплялись за край столешницы.

— Ты ведь не дурак, — тяжело произнёс начальник, и от этой интонации стало хуже, чем от прямого мата. — Но как только на тебя начинают смотреть люди, у тебя вместо головы образуется пустая чёрная дыра. Клиент всё равно ушёл бы, пёс с ним, дело житейское. Суть не в этом. Суть в том, что ты опять нацепил на себя это лицо. Лицо вечно виноватого терпилы. А им только этого и надо, им это нравится! Зачем им чинить свои сломанные процессы, если в ответ всегда можно получить вот такое удобное, виноватое лицо?

Он сказал «им», явно имея в виду всех тех, кто сидел наверху, ну и, кажется, немножко самого себя.

— Чтобы до вечера шаблон был исправлен. И ради бога, научись уже связно говорить, когда на тебя смотрят. Иначе твой карьерный потолок — вот он, — Сергей Викторович небрежно стукнул ногтем по стеклу, указывая в сторону общего зала. — Вечные тикеты тех-поддержки. Навсегда.

Юра молча кивнул. Кивок вышел слишком глубоким, жалким, ученическим.

Выйдя в коридор, он остановился возле кулера и начал жадно пить ледяную воду крошечными глотками — просто потому, что пить большими было почему-то невыносимо стыдно. Сведённые спазмом плечи он смог расслабить только тогда, когда добрался до своего рабочего стола — спрятавшись за двумя старыми мониторами, один из которых мерзко полосил.

Шаблон он нашёл за одиннадцать минут. Руки на клавиатуре не путались. Мышь ехала туда, куда надо. В коде письма торчала старая переменная, как гвоздь в подошве. Он вытащил гвоздь, проверил на тестовом ящике, написал в тикете коротко и ясно — так ясно, как не сумел сказать вслух. На соседнем столе Вова ел печенье и сказал:

— Жёстко тебя. А ты бы сразу: «это не я, это легаси».

— Я хотел, — сказал Юра.

— Хотел — не считается, — Вова пожал плечами без злобы. — Надо, чтоб рот успевал сказать нужное.

Юра смотрел на исправленную строку и думал не о легаси и не о работе в целом.

Он думал о том, что ему двадцать пять лет, а он до сих пор не умеет делать вещи, которые другие делают не задумываясь. Не может связать трёх слов, когда на него смотрят. Не может удержать в голове четыре простых факта одновременно — они рассыпаются, как мокрые спички. Не может прочитать статью и пересказать её так, чтобы собеседник не поморщился. Не может сказать «нет» тем, кому нужно сказать, не может отказать начальнику, не может объяснить матери, почему ему тяжело. Он многое не умеет и из-за этого его жизнь ужасна.

Вот Вова рядом — жуёт печенье и одновременно держит в голове три тикета, номер заказа, имя клиента и ещё умудряется шутить. Вот Катя из продаж — она за минуту выстраивает разговор так, что человек сам не понимает, как согласился. Вот Денис — берёт чужие деньги и даже не краснеет, потому что у него внутри нет этого проклятого тормоза.

А у Юры есть. Тормоз. Стена. Пустое место там, где у других — механизм. Рабочий механизм, который помогает им получать то, что они хотят.

Он не дурак. Он это знает. Он находит ошибки в коде быстрее Вовы. Он видит, как связаны тарифы, шаблоны и база данных — видит целиком, как картинку. Но стоит кому-то сказать «объясни вслух» — и картинка рассыпается. Словно между головой и ртом стоит стеклянная стена, и слова разбиваются о неё, не долетая до воздуха.

И дело ведь не в одном разговоре. Дело в том, что вся жизнь построена на умении говорить последовательно. Учиться — значит читать по порядку. Работать — значит отвечать по

скрипту. Объяснять — значит выстраивать цепочку слов. А у него нет цепочки. У него есть пучки, аналогии, образы — но никто в этом мире не принимает пучки. Мир требует: «Сначала первое, потом второе, потом третье». А у Юры первое, второе и третье приходят одновременно, и он не знает, какое из них «первое». Иными словами, каша в голове возникает. И где-то она помогает что-то увидеть, а где-то жутко мешает. И мешает она чаще, чем помогает.

И от этого он всю жизнь чувствует себя бракованным. Не сломанным — сломанное можно починить. А именно бракованным. Как деталь, которую на заводе отложили в сторону: вроде и металл тот же, и форма похожа, а в паз не встаёт.

Отец говорит: «Потолок», имея в виду ограничение способностей Юры. И самое страшное, что Юра не может с этим спорить. Потому что доказательств обратного у него нет. Ни одного. Двадцать пять лет жизни — и ни одного момента, когда он мог бы сказать: «Смотри, папа, я не тупой. Я просто иначе устроен». Но ему нечем похвастать.

Он открыл пустой файл на втором мониторе и бессмысленно уставился в мигающий курсор. Курсор мигал ровно. Терпеливо. Как будто ждал, когда Юра наконец напишет хоть одно предложение. Но Юра не знал, что написать. Не потому что не было мыслей. А потому что мысли не складывались в строчку. Они роились, толкались, перебивали друг друга — и в итоге на экране оставалась только пустота.

«Может, я и правда просто не очень умный, — подумал он. — Не тупой. Просто... не очень. Средний. Чуть ниже среднего. И все эти истории про «ты просто иначе думаешь» — это утешение. Которое я сам себе придумал, чтобы не сойти с ума от стыда».

Эта мысль была привычной. Она приходила каждый вечер, когда он лежал на кровати и пытался вспомнить, что полезного сделал за день. И каждый раз ответ был один: ничего такого, чего не сделал бы любой. Ничего особенного. Ничего, за что можно было бы себя уважать.

Юра закрыл пустой файл. Взялся за следующий тикет. В трубке чужой голос раздражённо спрашивал, почему скорость восемьдесят семь, а не сто.

Юра ответил быстро, правильно, спокойно. Потому что по телефону на него не смотрели. В обед нарисовались они.

Тот самый Денис и «маленький» Олег ждали Юру у курилки. И хотя Юра не курил, он подошёл к ним, потому что, они его подозвали. Денис работал в отделе внедрения, а Олег был старым однокурсником, который, как всегда, оказался поблизости, когда ему было нужно. Олег часто появлялся рядом с Юрой, когда у того были деньги, чтобы одолжить некоторую сумму до зарплаты. Собственно, Денис делал тоже самое.

— Братан, выручи до пятницы, — без лишних разговоров начал Денис. — Нужно тысяч семь. Потом отдадим.

— У меня сейчас нет, — неуверенно пробормотал Юра.

— Нет? Ну ладно, тогда погнали с нами, скинемся и поедем вместе. Олег всё на бензин спустил, а я карту дома оставил. Пойдём, нормально поедем.

«Нормально» означало не столовку в подвале, где обычно на обед давали всякую муть, а приличное кафе через дорогу — с массивными деревянными столами и привлекательными девушками-официантками. Место приятное, но и не дешёвое.

Юра наперёд знал продолжение. Знал так же ясно, как схему злополучного тарифа. Он знал, что в итоге послушно заплатит за их еду, потому что отказать прямо сейчас — это значит снова смотреть людям в глаза и мучительно выстраивать слова в последовательность. И если от семи тысяч он ещё как-то отмазался, шаблонной фразой, то тут уже не получится. Потому что они его продавят. Они возьмут его с собой и разведут на деньги всё равно. И он знал как. В кафе, когда официант понесёт счёт, у Дениса обязательно зазвонит телефон. Или он скажет, что ему позвонить надо. Следом Олег похлопает по карманам и вспомнит, что ему «надо отскочить на пять минут». Они сбегут, а его оставят за столом наедине с чужими гряз-

ными тарелками и его собственным стыдом, который снова будет вязким, общим, ни на кого конкретно не направленным.

Но он всё равно пошёл. Потому что не смог отказать. Поплёлся, как на казнь.

В кафе было тепло до тошноты. Денис говорил про тендер, который «почти у них», Олег — про девушку, которая «сама написала». Юра кивал и ел пасту, которая не имела вкуса, как утренний хлеб не имел памяти. Когда пришёл счёт, Денис похлопал по карманам с искренним изумлением человека, у которого карты не бывает принципиально. У Олега тоже не было. В итоге Юра приложил свою карту, чтобы оплатить. Семь, даже восемь с чаевыми. Наели они не слабо. И всё за его счёт.

Телефон Дениса зазвонил на последнем глотке колы.

— Блин, это Серёга, горю, две минуты, — Денис уже вставал.

Олег встал следом, как привязанный.

— Я курить. Ты доедай, мы тут.

Они вышли. Юра смотрел через стекло, как они не закуривают, а сразу направляются в свои отделы, смеясь и легко переговариваясь. Паста на его тарелке остыла. Официантка взглянула с профессиональной жалостью, в которой не было злости: она тоже знала этот вид одиночества, брошенности, ведь девушкам это хорошо знакомо.

Он доел. Зачем — непонятно. Просто тарелка должна стать пустой, иначе дело кажется незавершённым. На улице начался дождь. Мокрый асфальт отражал неоновые обрывки вывесок. Он немного намок. Дешёвая куртка впитала в себя воду и отяжелела, словно чужое мнение.

После обеда день превратился в унылую череду мелких задач. «Не работает вайфай». «Сосед ворует трафик». «Почему у меня скорость восемьдесят семь, а не сто?»

Он отвечал быстро, правильно и даже почти изящно. Голос его, конечно, всё ещё звучал тонко и неуверенно, как в школьные годы, но зато телефон надёжно скрывал его от чужих глаз. Без этого свинцового давления чужого взгляда Юра снова был в порядке и мог спокойно удерживать в голове сразу три мысли из четырёх.

В половине пятого мимо его стола прошёл Сергей Викторович и небрежно бросил в пространство: — Шаблон видел. Нормально. Не гордись.

Юра и не думал гордиться. Гордиться было абсолютно нечем: эта проблема благополучно гнила в базе целых два года. И всем было очень удобно её игнорировать ровно до тех пор, пока чужое корпоративное враньё можно было прикрывать его удобным, вечно виноватым лицом.

В шесть часов вечера он вышел с работы. Осенний воздух уже сгущался, приобретая холодный, синеватый оттенок. Уличные фонари зажигались по одному — медленно и нерешительно, словно смущённые школьники, которых по очереди вызывают к доске.

По логике вещей, Юра должен был поехать домой. Но вместо этого он отправился в центр: сегодня вечером в политехе читали открытую лекцию под названием «Вероятность для жизни». Он записался на неё ещё неделю назад. Сделал это глубокой ночью, в порыве отчаяния, после того как в очередной раз не смог дочитать заумную статью про байесовские оценки и трусливо закрыл её коротким видеороликом, где толстый кот нелепо падал с холодильника.

Университетский лекторий оказался полупустым и слишком ярко, безжалостно освещённым. На большом проекционном экране светилась колоколообразная кривая, подозрительно похожая на крутую горку с детской площадки. Мужчина в мешковатом свитере говорил складно и чуть быстрее, чем нужно, при этом активно жестикулируя, словно чертил невидимым мелом прямо по воздуху: он увлечённо рассказывал про априорное и апостериорное знание, про то, как наш собственный мозг обманывает нас, легко покупаясь на красоту первого впечатления.

Юра сел в третьем ряду с краю, достал из рюкзака блокнот и аккуратным почерком вывел в углу страницы сегодняшнюю дату. Первые несколько минут он даже успевал следить за полётом лекторской мысли. График на экране казался интуитивно понятным, почти осязаемым

на уровне тела: вот здесь события происходят часто, вот здесь — редко, а вот тянется тот самый длинный хвост распределения, в котором прячутся все главные жизненные катастрофы и выигрыши в лотерею.

На двенадцатой минуте его пальцы сами, без всякой команды, нащупали в кармане телефон.

Он заметил это не сразу. Осознал происходящее лишь тогда, когда большой палец уже привычно листал бесконечную ленту: смешная собака, новости про взрыв, какая-то девушка с тарелкой супа, снова собака, красный от злости мужчина орёт прямо в камеру, рецепт идеальных сырников, фрагмент чужой кухни, обрывок чьего-то смеха. Экран светил ему прямо в лицо короткими, бессмысленными огрызками чужих жизней — жизней, ради которых не нужно было напрягаться и мучительно удерживать в рабочей памяти сразу четыре сложных факта.

Лектор со сцены произнёс термин «маргинальное распределение». Юра торопливо вскинул глаза, но было слишком поздно: середина важной мысли уже ушла без него, как последняя маршрутка от остановки.

И тогда он разозлился. Но не на себя. Он разозлился на свои пальцы.

Они были тёплыми, живыми и казались совершенно отдельными, независимыми существами. Эти пальцы умели безупречно обжимать сетевой кабель с закрытыми глазами, умели находить кривой программный гвоздь в базе данных, умели вскрывать утренний пакет с хлебом. Но эти же самые пальцы только что без спроса украли у него лекцию. Лекцию, которую он осознанно выбрал, ради которой ехал через весь город и на которой сам же уселся в третий ряд, чтобы внимательно слушать.

Он с силой зажал телефон под бедром, словно наказывал провинившегося, шального щенка, и целых две минуты яростно пялился на колоколообразную кривую — так, словно одним только тяжёлым взглядом надеялся заставить эту схему вколотить нужное понимание в его голову.

Но ничего не вышло. Понимание не рождается из ярости. Оно рождается из методичности. А никакого метода у Юры не было.

Вместо метода внутри жило старое, вбитое с детства домашнее правило: если ты чего-то не понимаешь, значит, ты просто недостаточно стараешься, недостаточно много читаешь, значит, ты попросту недостаточно умён, чтобы удержать всё это в голове. Это был ложный диагноз. И очень удобный — такой же удобный, как его вечно виноватое лицо в прозрачной переговорке. Логика этого правила была проста: если не хватает знаний — надо попытаться впихнуть в себя ещё больше. А если «ещё больше» уже не помогает — значит, всё, ты упёрся в свой генетический потолок.

Он сдался и тихо вышел из зала на сорок первой минуте, как раз в тот момент, когда лектор заговорил про ставки и рулетку в казино. Аудитория тогда заметно оживилась: слушать про шальные деньги людям всегда было гораздо легче, чем про устройство собственного мышления.

В пустом фойе стойко пахло мокрыми куртками и чьим-то надкусанным шоколадным батончиком. Юра стоял у огромного окна и молча смотрел, как проливной дождь превращает центр города в некое подобие вывернутого наизнанку аквариума: мокрые, продрогшие люди барахтались снаружи, по ту сторону стекла, а весь спасительный тёплый свет оставался закрытым здесь, внутри.

Идти домой совершенно не хотелось.

Там его ждал отец. Скорее всего, он уже сидел на тесной кухне. Уже разговаривал тем своим тяжёлым, давящим голосом, который мгновенно вытесняет из помещения весь свободный воздух. А Юре просто хотелось тепла. Но такого тепла, которое ничего от него взамен не

требует. Для которого не нужно быть умным, не нужно постоянно стараться и ничего доказывать. Просто тепла.

Библиотека на углу — бывшая купеческая усадьба со львами у входа, чьи каменные морды от времени стёрлись до полной потери свирепости, приобретя какое-то сонное добродушие, — работала до девяти. Юра зашёл внутрь так, как обычно заходят в подъезд чужого многоквартирного дома: не как к себе, но точно зная, что не прогонят. Охранник даже не поднял на него глаз.

Внутри густо пахло старой бумагой. Батареи слегка гудели. Низко, ровно, вибрируя всем массивным телом старого здания. Это был тот самый уютный гул из детства, который вспоминается, когда приходишь с мороза, твоё лицо начинает болезненно оттаивать, и тебе нестерпимо хочется прислониться лбом прямо к горячему чугуну.

Юра прислонился к батарее ладонью. Металл был обжигающе тёплым. В этот момент ладонь показалась ему гораздо умнее головы: она заранее поняла и приняла грядущую зиму; она распознала, что промозглая осень лишь обманывает ложным теплом; и она же подсказала, что здесь можно постоять ещё немного, ни перед кем не оправдываясь за своё присутствие.

Он пришёл сюда вовсе не за умом. Он пришёл именно за этим теплом.

Читальный зал на втором этаже оказался почти пуст. Из-под высокого потолка свет падал так скупое, словно его старательно экономили на какое-то далёкое будущее. Вдоль стен тянулись бесконечные ряды книжных корешков — сплошная стена из чужих жизней и мыслей, расставленных вертикально. Юра медленно пошёл вдоль стеллажей. Его пальцы сами скользили по корешкам, интуитивно считывая выпуклые буквы, как слепые читают шрифт Брайля. И снова сработала телесная, моторная память: руки инстинктивно выбирали тома потолще, те, что казались тёплыми на вид, с поблёкшим от времени золотым тиснением. Голова ещё не понимала, зачем он это делает.

Ему точно не нужен был очередной справочник по компьютерному железу. Железо он и так прекрасно знал руками. Ему нужно было — он окончательно осознал это, только когда остановился у стеллажа, — найти что-то про «дыру». Про ту самую пустоту в голове, где не держатся нужные слова и факты. Про то, можно ли вообще пересобрать собственный ум как-то иначе — не так, как собирают дешёвый шкаф по дурацкой инструкции, в которой намертво пропущен третий шаг.

Книга нашлась не сразу. Сначала ему попалась какая-то переводная новинка про нейросети — с глянцевого обложкой и кричащим обещанием «изменить свой мир за выходные». Юра подержал её в руках и брезгливо вернул на полку: слишком уж это было похоже на того самоуверенного лектора в свитере, а ещё — на его собственные нервные пальцы, которые вечно жаждали быстрого, короткого контента.

А потом он увидел её. Старую, в сером переплёте, с криво шлёпнутым библиотечным штампом и без приклеенной жизнерадостной улыбки на обложке. Фамилию автора он не знал. Заголовок был простым, почти неловким в своей прямоте: «Как учатся системы». Подзаголовок звучал ещё проще: «Интеллект как способ сборки, а не склад».

Он открыл книгу где-то на середине. Так иногда открывают чужой холодильник: не методично изучая полки, а просто выхватывая взглядом то, что лежит на свету. На глаза сразу попался абзац о том, что современный человек постоянно путает объём информации с её пониманием — точно так же, как голодный путает красивую картинку еды с реальным ужином. Автор писал, что можно прочитать целую стену книг и всё равно остаться без рабочего метода. Что машина уже научилась быть идеальным хранилищем, и соревноваться с ней в складировании данных бессмысленно. Человеку же придётся научиться совершенно другому: пересобирать сам способ, которым он вообще собирает и связывает факты.

Юра сел за стол. Мокрая куртка под ним тяжело расплзлась тёмным кругом. Батарея за спиной уютно гудела, отдавая тепло прямо в позвоночник. Он читал очень медленно, шевеля

губами почти без звука. Он делал так потому, что иногда это срабатывало: если беззвучно проговаривать слова, невидимая «столешница» оперативной памяти в голове обнулялась не так стремительно. На полях страницы какой-то давний читатель оставил тонкую карандашную галочку и короткое слово: «Нет». Чьё именно это было «нет» — неизвестно. Но оно было живым.

— Эта книга гораздо лучше, чем та, с глянцем, — негромко произнёс чей-то голос справа.

Плечи Юры судорожно дёрнулись вверх ещё до того, как мозг обработал смысл сказанного. Внутренний сторож мгновенно сгруппировал тело, готовясь защищаться от чужого внимания.

Рядом с его столом стоял человек лет пятидесяти пяти, может, шестидесяти. Высокий, сухой, в расстёгнутом пальто, которое он почему-то не стал сдавать в гардероб. Его шею обвивал длинный шарф, завязанный так небрежно и сложно, словно этот человек пытался удержать им разлетающиеся мысли, а не согреться. Лицо у него было умным, но без той нарочитой, показной рекламы собственного интеллекта. А глаза совершенно не казались снисходительными. Это считывалось мгновенно: незнакомец смотрел на Юру не свысока и не заискивающе, а так, как смотрят на безымянную развилку дорог, которой ещё только предстоит дать название.

— Я не... я просто, — Юра запнулся и тут же возненавидел себя за эту привычную жалкую заминку. — Зашёл за теплом, если честно.

Человек чуть склонил голову набок, всем своим видом показывая, что это вполне достойный ответ, который можно принять.

— Приходить сюда за теплом — куда более мудрое решение, чем приходить за умом, — сказал он. — Ум потом прилипнет сам, если не пытаться загонять его в себя палкой. Я Арсений Павлович Воронов. Читаю в политехе курс, который даже самому как-то стыдно называть курсом. «Нелинейное обучение». Звучит как название какой-то болезни, верно?

Юра растерялся, не зная, нужно ли ему сейчас вставать по этикету. Он неловко приподнялся с места, и серая книга предательски поползла с колен. Воронов даже не шевельнулся, чтобы помочь её поймать, — и это невмешательство почему-то сразу ощутилось не как равнодушная грубость, а как знак искреннего уважения к чужим границам. Юра поймал книгу сам.

— Юрий Орлов. Можно просто Юра.

— Что вас в ней зацепило? — Воронов лёгким кивком указал на серую обложку. И тут же с нажимом уточнил: — Я не спрашиваю «что понравилось». Я спрашиваю — что именно вас зацепило?

Юра поискал в памяти хоть какую-то системную последовательность, не нашёл её и в итоге сказал всё как есть — неуклюже, через аналогии, своим единственным бесполезным рабочим инструментом:

— Это как с тарифами. Два почти одинаковых. Смотришь вроде на одно, а по факту получаешь совсем другое. И все вокруг делают вид, что виноват исключительно тот, кто вовремя не разглядел подвох. А вся проблема на самом деле в сборке. В том, из какого именно системного поля письмо вытягивает имя. Я... я просто не умею нормально это объяснить. Но в книге написано примерно про то же самое, только применительно к человеческой голове. О том, что можно до отказа набить свой мозг информацией, словно какой-то заброшенный склад, и всё равно оставаться с пустой дырой внутри, когда нужно применить знания на практике. Вот это зацепило, наверное.

Он внезапно замолчал, испугавшись, что сказал слишком много чужому человеку, и почувствовав, как его уши снова запылали от жгучего стыда.

Воронов никак не похвалил его. Не улыбнулся той снисходительной, поощрительной улыбкой, которой взрослые обычно награждают сообразительного ребёнка. Он лишь молча

посмотрел на его мокрые рукава, на дешёвую куртку, на пальцы, которые вцепились в книгу так цепко, словно она могла в любую секунду вырваться и убежать.

— Можно задать вам один странный вопрос? Это не экзамен. Просто вопрос.

Юра коротко кивнул. Его плечи по привычке взметнулись высоко к ушам, но всё же не так сильно, как там, в душной переговорке. Здесь стеклянных стен не было. Здесь за спиной ровно и успокаивающе гудела горячая батарея.

— Если бы вам категорически запретили использовать слова «цвет» и «свет», — спокойно, почти сухо произнёс Воронов, — чем бы вы тогда описывали красный цвет?

Юра открыл рот — и судорожно не нашёл в голове никакого готового «склада». Слова «цвет» и «свет» в ту же секунду превратились в две зияющие дыры, образующиеся на месте выпавших зубов: родному языку стало не на что опереться. Он растерянно помолчал. В голове уже мелькнуло было глупое «ну, это который...», но тут же само отвалилось. Осталось только чистое ощущение тела.

— Теплом, — наконец выдавил он, и голос прозвучал, как чужой и неровный. — Или тем, что просто невозможно не заметить. Как самый настоящий ожог.

Воронов ничего не ответил. Он просто стоял, глядя на Юру поверх стёкол очков, и вдруг сказал — буднично, словно продолжал давно начатый разговор:

— Знаете, что я вижу, когда смотрю на вас сейчас?

Юра напрягся. Плечи дёрнулись.

— Я вижу человека, у которого в голове живёт сложная, объёмная, многослойная картина мира. Картина, которую большинство людей не способны удержать даже в виде смутной догадки. Но этот человек не умеет её пересказывать. Не потому что глуп. А потому что его способ мышления не совпадает с тем, чего от него требует школа, работа и, полагаю, даже близкие люди. И он, вероятно, решил, что раз не совпадает — значит, мышление неправильное, оно сломано.

Юра открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Вы не сломаны, — продолжил Воронов. — Вы собраны иначе. И эту сборку следует не ломать, не переучивать и не втискивать в чужой стандарт. Её нужно грамотно настроить. Дать ей язык. Дать ей инструмент. Дать способ превращать то, что вы видите так, как вы это видите, в то, что можно сказать вслух, записать, передать другому. Чтобы ваше мышление работало на вас лучше.

— Это... это возможно? — голос Юры прозвучал тонко. По-детски.

Воронов не ответил сразу. Он сел на край соседнего стула — не напротив, не сверху, а рядом. Как равный.

— Я двадцать лет занимаюсь изучением того, как люди учатся. Не что учат, а как. Как мозг собирает знание, как он их систематизирует, укладывает в памяти. И я точно знаю одно: объём памяти, скорость реакции, способность к последовательной речи — это не приговор. Это настройка. Как радиоприёмник. Если он ловит не ту волну, это не значит, что приёмник сломан. Это значит, что его не настроили на нужную частоту.

Затем он достал из внутреннего кармана пальто простую визитную карточку — уже слегка потрёпанную, с институтским гербом, который едва ли кто-то станет вырисовывать из чистой любви к искусству, — и шариковой ручкой аккуратно дописал на её обороте короткую строчку: «чт, 18:00, вход со двора». Затем пододвинул её к Юре.

— Если вдруг будет свободное время, заходите, — сказал он буднично. — Готовиться заранее не надо. Нам как раз вовсе не нужны те, кто всегда готов. Особенно те, кто привык выглядеть безупречно готовым ко всему. От вас ничего не потребуется, только желание. Желание поработать со своим мышлением.

Юра посмотрел на визитку.

— И вы... вы можете настроить? Моё мышление? Чтобы я стал... лучше?

— Я могу дать инструменты. А настраивать будете сами. Мы работаем с системной, которая помогает в этом. Это не таблетка. Не укол. Не волшебный шлем, после которого вы проснётесь гением. Это работа. Медленная, иногда тошнотворная, иногда унижительная. Но она работает. Я видел. На себе. На других.

Воронов помолчал. Потом добавил тише, и в этой тишине Юра услышал что-то личное, выстраданное:

— Тридцать лет назад я был в вашей ситуации. Не в точности, но похоже. Я видел вещи, которые другие не видели. И не мог их доказать. Не мог объяснить. Меня называли человеком не от мира сего, который тратит время на вещи, которые не стоят внимания. Я потратил двадцать лет, чтобы построить метод, который позволяет не выгонять таких людей, как я, как вы, как другие люди, которые просто иначе думают, чем другие. А давать им язык, который он смогут использовать для взаимодействия с внешним миром.

Юра смотрел на визитку. «Чт, 18:00, вход со двора». Это были слова, которые ничего не обещали. Которые не гарантировали ни денег, ни уважения, ни того, что отец перестанет говорить «лох».

Но внутри что-то шевельнулось. Не надежда — надежда была слишком большим, слишком опасным словом. Что-то меньше. Тише. Как скрепка в кармане: бесполезная, но осязаемая.

А что, если это правда? Что, если я не тупой? Что, если я просто не настроенный приёмник?

Эта мысль была страшной. Потому что если она правда — значит, двадцать пять лет он стыдился зря. А если ложь — значит, в четверг он пойдёт туда, сделает, что ему скажут и снова увидит, что он не справляется. Снова. В сотый раз.

Но в сотый раз — это уже привычно. А вот не попробовать — это было бы хуже. Потому что тогда эта заноза — «а вдруг я не тупой, а просто иначе» — останется в нём навсегда. Будет ныть по ночам. Будет приходить каждый раз, когда он снова не сможет связать трёх слов под чужим взглядом.

Юра сунул визитку в карман. Рядом со скрепкой. Рядом с жвачкой. Рядом с тем самым чувством, которое он не мог назвать, но которое не давало ему возможности отказаться от предложения.

Он пойдёт. Не потому что верит. А потому что больше некуда девать этот стыд. Если там ему скажут «вы безнадёжны» — ну хотя бы это будет не отец. Не начальник. Не собственная голова в три часа ночи. А чужой человек, специалист, который скажет это по делу, аргументированно. С цифрами. Без слова «лох».

И может быть — может быть — там ему покажут, как превратить его кашу в голове во что-то практичное. Как перестать быть бракованной деталью. Как стать хотя бы чуть-чуть выше того потолка, на который отец тыкал пальцем, убеждая его в ограниченных способностях.

Юра решил идти домой пешком, хотя мог бы доехать на транспорте. Он хотел, чтобы осенняя куртка пропиталась сыростью и стала тяжёлой, до какой-то физической честности с самим собой. Мокрый асфальт отражал свет фонарей из глубоких луж, и его ноги по привычке обходили самые тёмные места. Сказывалась моторная память двора, детства и тех далёких зимних вечеров, когда бабушка испуганно кричала с балкона: «Не подходи к дороге!».

Запах свежего хлеба по дороге не вернулся, память о нём исчезла. Зато маленькая визитка в кармане нагрелась от тепла его тела и казалась почти живой.

В подъезде кто-то выкрутил или разбил одну из лампочек, из-за чего на четвёртой лестничной площадке стало темно и неуютно. Он поднимался пешком, не спеша. Подойдя к квартире, он прислушался. За дверью был привычный шум: по телевизору шли новости, противно стучала металлическая крышка кастрюли, слышался голос отца, который ещё не кричал во всю мочь, но уже настраивался на этот тон.

Юра тихо переобулся. Мать сидела в комнате под торшером, держа в руках кружку и прикрыв глаза пыталась успокоиться. У неё уже несколько лет была большая пульсирующая жила на виске, которая обосновалась там, как надоедливый квартирант, который не платит, но имеет права.

— Поел? — спросила она, не открывая глаз.

— Да, — ответил Юра, почти не солгав. Паста в кафе считалась едой, если не считать компанию, с которой он её ел и которая съела намного больше за его счёт.

— Отец сегодня... — она поискала подходящее слово, но не нашла. — На кухне. Не говори ему о работе.

Юра кивнул. Он держал книгу под курткой, а визитку — в кармане джинсов, подальше, как что-то стыдное. Потом подумал, что прятать глупо, и положил книгу на тумбочку в прихожей корешком наружу, как люди кладут ключи, уверенно заявляя: «Я дома, у меня есть своя жизнь».

Это была ошибка.

Отец вышел из кухни с кружкой в руках. Он не шатался. Подвыпивший человек всегда выглядит более собранным, чем пьяный: спина прямая, глаза острые, голос более чёткий. Когда-то этой спиной и этим голосом отец защищал проект, который оказался верным слишком рано. Юра знал эту историю в домашней версии: комиссия, смех, слово «фантазёр», увольнение «по собственному желанию», после которого у отца не осталось ничего, кроме этой кухни. Здесь можно было чувствовать себя уверенно. Здесь потолок был низкий, но свой.

Взгляд отца упал на серую обложку книги, как будто это был не корешок, а старый приказ об увольнении.

— Это что такое?

— Книжка. Библиотечная.

— Я вижу, что библиотечная, — отец взял книгу одной рукой, взвесил её, как деталь, и прочитал заголовок вслух, скривив рот. — «Как учатся системы». Системы. Ты всегда хотел больше, чем можешь. У тебя даже интернет у людей не работает, а ты всё про системы.

— Я просто взял её.

— Просто, — отец открыл книгу наугад, увидел карандашную пометку давнего читателя и захлопнул её, как будто боялся, что птичка может вылететь. — Лох. Я тебе тысячу раз говорил. Твой потолок известен. Не у всех он высокий, и это не трагедия. Трагедия — когда человек не знает своего места и пытается пробиться с книжками, как те... как те, что меня... А потом другим жить с этим. Умники.

Он не сказал «как те, кто меня выкинул». Это было не нужно. Фраза уже давно жила в этой квартире, на этой кухне, осела на кафеле, въелась в клеёнку на столе. Все и так всё знали.

Юра стоял в носках на холодном полу и не спорил. Спор был бы абсолютно бессмысленным делом. Отец всё равно задавил бы его. Самое обидное было даже не слово «лох», его он уже много раз слышал. Обиднее всего было то, что отец оказался почти прав. Почти — потому что день это доказал. Совещалка. Пальцы на лекции, листавшие всякую ерунду в сети. Семь тысяч на халявщиков. Хлеб без запаха хлеба, который он покупал. Плечи, которые двигаются раньше, чем голова. Потолок, на который Сергей Викторович указал пальцем, говоря о его возможностях. Почти.

Мать тихо поставила кружку в комнате. Затем вышла на кухню.

— Андрей, положи книгу, — сказала она. Не «не надо на него кричать» и не «оставь сына в покое». Просто: «положи книгу». Контур её влияния, который постепенно сужался, теперь ограничивался такими короткими обрывками.

Отец перевёл взгляд на неё, затем с неё на сына, на мокрый край его куртки, на опущенные глаза. Затем он сделал короткое, по хозяйки уверенное движение и книга полетела на пол. Он сделал это без злобы, не со всего размаха бросил — как бросают в брак деталь, которая не

соответствует требованиям. Просто выпустил её, как что-то абсолютно не имеющее ценности. Она упала. Угол книги загнулся. Штамп на обложке вспыхнул под лампой.

— Чтобы я больше этого не видел! — сказал он. — Иди работай, если умеешь что-то делать руками, то работай руками. Не забивай себе голову всякой ерундой. Голову, — он указал пальцем себе на висок, затем перевёл его на Юру, — тебе дана не для этого. Не позорься.

Он ушёл на кухню. Кружка с грохотом опустилась на стол. Телевизор на кухне стал говорить ещё громче. Кухня погрузилась в его торжество. Он на ней был главным. Дом был тем местом, где Андрей Орлов мог чувствовать себя на высоте. Где он был главным.

Юра смотрел на книгу. Он не спешил поднимать её с пола, потому что сторож в его плечах всё ещё продолжал удерживать её в руках. Спустя минуту на кухню вошла мать — с лицом человека, который решил спокойно и негромко поговорить о чае и о том, как все сегодня устали. Она пыталась хоть немного погасить этот семейный пожар, который на самом деле уже давно невозможно было потушить, потому что он превратился в единственную форму здешнего отопления.

Когда кухонная дверь за её спиной плотно закрылась, Юра наконец нагнулся и поднял книгу. Это был не бунт. Бунт всегда с кем-то спорит, а он ни с кем не спорил. Он просто поднял с пола осколки собственной жизни: загнутый угол переплёта, чужое карандашное «нет» на полях, серую обложку, в которой не содержалось готовых ответов, но таилось правильное право не отвечать на чужие вызовы. Его пальцы снова оказались намного умнее головы: они бережно разгладили замятую страницу — так, как аккуратно разглаживают гибкий провод, чтобы случайно не заломить медную жилу внутри.

В своей комнате — тесной, узкой, со старым шкафом, который, казалось, до сих пор помнил запах его школьных тетрадей, — Юра молча сел на кровать, даже не включая верхний свет. Он достал из кармана визитку. На лицевой стороне красовались герб и фамилия, а на обороте от руки было выведено: «чт, 18:00, вход со двора». До четверга оставалось ещё целое послезавтра. Для того чтобы прямо сейчас взять и кардинально измениться, это послезавтра наступало слишком быстро; а для того, чтобы спокойно выбросить его из головы и не думать об этом, — слишком далеко.

Он аккуратно вложил визитку в блокнот, прямо рядом со своим корявым вопросом про красный цвет. И тут же, не до конца понимая зачем, приписал снизу ещё одну строчку: «Плечи раньше головы».

Он посидел в темноте, прислушиваясь к тому, как сквозь тонкую стену отец снова спорит с телевизором — и, судя по всему, в этом споре неизменно побеждал. Затем перед глазами у него вдруг снова возник утренний пакет: как он привычно раздвинул его шуршащие края и глубоко вдохнул, но внутри так ничего и не оказалось. Этот запах не пришёл готовым файлом. Он просто не загрузился в системную память. Осталось лишь острое ощущение пустой внутренней дыры — маленькой, карманной, до боли привычной и уже полностью своей.

Тот самый глухой стыд, который с самого раннего утра казался лишь неизбежной прорехой в кармане, к ночи стал чуть более осознанным, точечным. Дело было вовсе не в привычном внутреннем «я плохой» — хотя это чувство, конечно же, никуда не делось, продолжая где-то глубоко внутри зудеть знакомым домашним шёпотом. Но рядом с ним проросла другая, новая мысль: у него просто нет самого рабочего инструмента для сборки. Проблема не в том, что прочитано мало страниц или прослушано мало лекций. Склад в голове есть, а вот механизма сборки нет. И его собственное тело узнало об этом страшном факте гораздо раньше, чем рот успел сформулировать его вслух.

От этого осознания Юра не стал ни умнее, ни счастливее, но зато его вина теперь обрела чёткие, осязаемые контуры.

За окном сырая, безликая осень уже полностью вступила в свои права, уходя в ночь без тени сожаления и даже не пытаясь притвориться чем-то иным. На подоконнике одиноко сохла

брошенная перчатка. В животе неприятно, слабенько ныло — то ли от съеденной впопыхах дешёвой еды, то ли от пережитого за день эмоционального крушения. Юра лежал прямо в одежде поверх застеленной постели и прижимал книгу к груди, словно пытаясь согреть ею что-то внутри. Гул той далёкой библиотечной батареи всё ещё отзывался в его ладонях тонким, фантомным эхом. А книга давала что-то другое, какую-то надежду.

Он обязательно пойдёт туда. Его пригласили и он придёт.

Придёт не как человек, который решил продемонстрировать свои достижения и показать отцу, что он тоже чего-то стоит. Отец почти прав, и его мнение не изменить демонстрацией своей решимости. Юра пойдёт, потому что больше некуда девать этот стыд. Ему было стыдно от того, что он такой. И ему надо было что-то с этим делать. Он не помнит бабушку, которая была единственным человеком, который о нём искренне заботился, а вот стыд помнил, стыд не забывается.

Если ничего не выйдет, стыд останется, но хотя бы перестанет притворяться чем-то большим, чем он есть. Он перестанет быть частью характера. Наверное.

На кухне замолк телевизор. Отец тяжело покашлял и тоже замолчал, оставив после себя тяжёлую тишину, в которой уже не осталось никакой надежды на победу — только слепая, изнуряющая привычка вспоминать былые дни и вечно кого-то ругать. Мать предельно тихо опустила кружки в раковину. Юра закрыл глаза и в последний раз за день попытался мысленно вызвать тот самый ускользающий запах хлеба, который ассоциировался у него с радостными детскими годами. Но чуда не произошло.

Пальцы на серой обложке чуть сжались, словно он пытался вслепую замесить тесто из холодного картона и ночи. Вернуть запах таким образом не вышло, но сам жест уже состоялся. Маленький, ненужный, но свой.

За окном шумел ветер. Юра не заметил, как заснул.

Глава 2. Профиль пустого места

Четверг начался с того, что Юра трижды переложил визитку из одного кармана в другой.

Сначала она лежала в нагрудном, по соседству с проездным билетом. Затем перекочевала в джинсы, поскольку нагрудный карман некрасиво оттопыривался, из-за чего Юра выглядел нелепо. Потом отправилась обратно, потому что в джинсах карточка нещадно мялась о связку ключей. В итоге он сунул её во внутренний карман куртки, поближе к телу, и благополучно забыл о ней до самой остановки.

Маршрутка привычно тряслась на пересечении трамвайных путей. За окном проплывал знакомый город, но сегодня Юра смотрел на него иначе — взглядом человека, у которого в кармане лежит приглашение туда, где ему, возможно, наконец объяснят, почему его собственная голова работает через пень-колоду. Он старался не строить никаких прогнозов. Точнее, всё-таки строил, но тут же ловил себя на этом и мысленно одёргивал, как одёргивают руку от раскалённой конфорки. Ожидания — это ситуация, когда ты заранее знаешь форму ответа. Юра же не знал даже формы вопроса.

Он вышел на две остановки раньше положенного. Просто для того, чтобы немного пройтись. Осень за какие-то четыре дня успела перейти в ту свою стадию, когда листья уже не опадают, а лежат под ногами влажным, плотно слежавшимся ковром. Они пахли не гнилью, а чем-то железистым — словно старая медная монета, которую положили на язык. Воздух стоял густой и холодный, отчего каждый вдох ощущался как глоток ледяной воды из-под крана — с характерным привкусом водопроводных труб.

Нужный институт прятался в глубине, за парой извилистых поворотов в лабиринте дворов. Его встречал не парадный фасад с массивными колоннами, а тыльная сторона здания: облезлая штукатурка, ржавая пожарная лестница и тяжёлая дверь с кодовым замком, прямо на котором кто-то нарисовал маркером стрелку с короткой подписью «сюда». Юра в нерешительности постоял перед входом, переминаясь с ноги на ногу. Из-за угла тянуло знакомым запахом общепита — пережаренным подсолнечным маслом и разваренной капустой.

Он набрал код. Дверь громко щёлкнула и поддалась с тем особым, тугим сопротивлением, которое всегда бывает у створок, явно не рассчитанных на частое использование.

Внутри пахло старым линолеумом, нагретой пылью и какой-то въедливой химией — то ли лабораторными реактивами, то ли свежим пластиком. Длинный коридор давил низкими потолками. Из-за тусклых ламп дневного света всё вокруг приобретало слегка зеленоватый, болезненно-больничный оттенок. На стенах висели расписания занятий, объявления о грядущих конференциях и пожелтевшие от времени плакаты со сложными формулами, которые Юра при всём желании не смог бы разобрать. Мокрые подошвы ботинок оставляли на светлом линолеуме чёткие тёмные следы.

Указанный на визитке кабинет находился в самом конце коридора, сразу за поворотом. На двери висела скромная распечатка: «Отдел нелинейного обучения. Вход строго по записи». Чуть ниже кто-то приписал от руки: «Юра, заходите, можете не стучать». Надо же, его ждали. Значит знали, что придёт.

Он шагнул внутрь.

Комната оказалась значительно меньше, чем он предполагал. Основное пространство было занято массивным столом, на котором хаотично расположились стопки документов и пучки кабелей. Из трёх стоявших на нём мониторов светился только один. На широком подоконнике скучали недопитая кружка остывшего чая и засохший бутерброд в полураскрытой фольге. У стены примостился массивный стеллаж с папками. На корешке каждой чёрным маркером было выведено по одному ёмкому слову: «Сессия», «Отказ», «Повтор», «Архив». В углу громоздился странный агрегат, напоминавший гибрид стоматологического кресла и вело-

сипедного тренажёра. От него по полу тянулись толстые кабели прямо к серверному шкафу, который издавал тихое, монотонное гудение.

Хозяин кабинета, Воронов, сидел за столом и изучал какие-то документы, сдвинув очки на самый кончик носа. Заметив вошедшего Юру, он неторопливо снял их, положил поверх бумаг и произнёс:

— Раздевайтесь. В смысле, снимайте куртку. И присаживайтесь вот сюда.

Он кивнул на стул по ту сторону стола. Юра послушно стянул куртку, пристроил её на спинку стула и сел. Его руки, словно живя своей жизнью, тут же нащупали край столешницы и намертво вцепились в неё, будто в спасительный поручень маршрутки.

— Чай? Или, может, воды?

— Воды, пожалуйста.

Воронов щедро плеснул из стеклянного графина в дешёвый пластиковый стаканчик. Вода оказалась неприятно тёплой, с отчётливым синтетическим привкусом. Юра осушил стакан одним нервным залпом.

— Итак, — Воронов расслабленно откинулся на спинку стула и сцепил пальцы в замок на животе. — Прежде чем мы приступим к делу, я обязан озвучить вам несколько сугубо бюрократичных вещей. А вы их подпишете, потому что без вашей подписи руководство не позволит мне даже включить рабочий монитор.

Он с усилием выдвинул нижний ящик стола и выложил перед Юрой три листа формата А4, густо исписанных мелким шрифтом. Юра взял верхний документ. Буквы перед глазами слегка поплыли от волнения.

«Информированное согласие на участие в исследовательском протоколе...» «...не является стандартной медицинской процедурой...» «...оставляет за собой право прекратить участие в любой момент без объяснения причин...» «...все полученные данные строго анонимизируются...»

— Читайте предельно внимательно, — посоветовал Воронов. — Или хотя бы сделайте убедительный вид, что читаете. Но подпись свою ставьте осознанно.

Юра вчитывался. Он двигался по тексту медленно, водя указательным пальцем по строкам — точно так же, как в далёком детстве разбирал строчки бабушкиных писем. Одни слова казались смутно знакомыми, другие — абсолютно чужими. «Когнитивная нагрузка», «вестибулярный отклик», «соматические маркеры», «обратимая стимуляция»... Он не понимал и половины из этих терминов. Однако уловил самую суть: чёрным по белому было написано, что он имеет полное право встать и уйти. Абсолютно в любой момент. Никто не станет его удерживать силой.

— У меня есть один вопрос, — тихо сказал Юра, не отрывая взгляда от бумаги.

— Внимательно слушаю.

— Здесь упоминается «когнитивный профиль». Это... что-то вроде классического теста на IQ?

Воронов выдержал короткую паузу. Когда он ответил, в его спокойном голосе не прозвучало ни капли учёной снисходительности или раздражения:

— IQ-тесты показывают, как вы справляетесь с определённым набором стандартизированных задач. Это полезно. Но нас интересует не только результат. Нас интересует, что происходит между вопросом и ответом. Как именно ваш мозг кодирует поступающую информацию, где её теряет, какими обходными путями пытается восстановить и, главное, в какой момент начинает врать самому себе. Тело при этом — отдельный контур. Оно замечает многие вещи раньше головы, а иногда знает то, о чём голова предпочла бы вообще не догадываться. Мы собираемся исследовать оба контура.

Юра молча кивнул. Размашисто поставил первую подпись. Затем вторую. А следом и третью.

— Вот и отлично, — Воронов аккуратно собрал листы со стола. — А теперь поговорим лично о вас. Мне совершенно не нужен ваш диплом, меня не волнует ваше место работы, и уж тем более не требуется, чтобы вы пытались произвести на меня хорошее впечатление. Нам для исследования критически важны нестандартные стартовые точки. Особенно проблемные. Особенно те случаи, когда мыслительный процесс разваливается на части прямо на середине фразы. Вы понимаете, о чём я?

Юра далеко не был уверен в том, что действительно понимает. Но всё равно утвердительно кивнул.

— В таком случае — идёте.

Сама лаборатория располагалась на другой стороне коридора, за ещё одной массивной дверью, которую украшала табличка: «Колыбель. Посторонним вход категорически воспрещён». Причём слово «Колыбель» было не напечатано, а выведено от руки толстым маркером, из-за чего заглавная буква «К» получилась неровной и пляшущей — как у первоклассника, который только учится писать.

Внутри плотно пахло свежей пластмассой и резким озоном. Это помещение было заметно просторнее кабинета Воронова, но всё пространство заставили аппаратурой настолько плотно, что свободным оставался лишь узкий проход, зажатый между двумя рядами металлических столов. На каждом рабочем месте громоздился монитор, лежал тяжёлый шлем с пучками торчащих проводов, одноразовая медицинская шапочка из тонкой сетчатой ткани и целая пачка тюбиков с электродным гелем. Вдоль дальней стены вытянулась длинная стойка, сплошь увешанная датчиками: там были маленькие присоски на липучках, пластиковые клипсы для мочек ушей и тонкие эластичные ремешки с металлическими контактами для запястий. В самом тёмном углу утробно гудел тот самый серверный шкаф, от которого по линолеуму змеились толстые чёрные кабели, грубо примотанные к полу прозрачным скотчем.

Воронов достал из ящика стола одноразовую шапочку и протянул её Юре.

— Наденьте. Чуть позже закрепим под неё электроды. Надеюсь, голову сегодня утром не мыли? Кожный жир лучше проводит сигнал.

— Мыл вчера вечером.

— Сойдёт.

Юра натянул шапочку. Она села криво, несуразно съехав на лоб. Воронов поправил её двумя пальцами — тем особым жестом, каким обычно поправляют шапку на ребёнке, — и Юра почувствовал, как его плечи от напряжения привычно дёрнулись вверх. Но Воронов уже убрал руку.

— Садитесь сюда. Сейчас я объясню, что именно будет происходить.

Юра послушно сел. Стул оказался самым обычным, офисным, с давно продавленным сиденьем. Напротив, за соседним столом, уже находился ещё один человек. Это был молодой парень лет двадцати семи, в тёмной водолазке и со спущенными на шею наушниками. Перед ним стоял раскрытый ноутбук, и парень что-то быстро в нём печатал, даже не глядя на экран. Шапочка на нём была надета ровно и профессионально — сразу видно человека, который делает это далеко не в первый раз.

Он поднял глаза на Юру. Взгляд был коротким, оценивающим. Затем парень чуть заметно улыбнулся уголком рта — той самой снисходительной улыбкой, которой обычно приветствуют нового, не слишком опасного соперника в настольной игре.

— Кирилл Берг, — представил его Воронов. — Наш аспирант. Работает с нами второй год. Сегодня он проходит ту же батарею тестов, что и вы, ради сбора контрольных данных. Можете не обращать на него внимания.

Кирилл скупно кивнул и тут же вернулся к своему ноутбуку. Его пальцы запорхали по клавишам с той лёгкой, небрежной скоростью, которая у Юры всегда вызывала болезненную смесь искреннего восхищения и тоски.

— Правила предельно простые, — продолжил Воронов. — Я буду давать вам задания. Некоторые из них покажутся вам откровенно глупыми. Некоторые — невыносимо сложными. Часть из них вы попросту не сможете выполнить. И это абсолютно нормально. Здесь не ставят оценок. Здесь мы собираем данные. Если вас начнёт тошнить — сразу говорите. Если закружится голова — говорите. Если вдруг захочется встать и уйти — вставайте и уходите. Бумага, которую вы только что подписали, работает в обе стороны.

Юра молча кивнул. Его ладони, покоящиеся на коленях, предательски вспотели.

— Начинаем с цепочек.

Первое задание выглядело до смешного примитивным. На экране появлялась последовательность из пяти геометрических фигур: круг, треугольник, квадрат, ромб, круг. От Юры требовалось лишь запомнить их порядок и воспроизвести по памяти, когда они исчезнут с монитора. Пять штук. С этим он справился легко. Потом фигур стало семь. Затем девять.

На двенадцати элементах последовательность в уме начала неумолимо распадаться. Четвёртая и пятая фигуры постоянно менялись местами. Седьмая вообще выпадала из памяти, как расшатанный зуб. Юра физически чувствовал, как внутри головы что-то натягивается, словно гитарная струна, которая вот-вот с треском лопнет.

— Главное, не торопитесь, — подсказал Воронов откуда-то сбоку.

Юра закрыл глаза. Он попробовал представить эти фигуры не как абстрактные слова-названия, а как физические объекты. Круг — гладкий и тёплый. Треугольник — колючий. Квадрат — массивный, тяжёлый, плотно стоящий на поверхности. Ромб — неустойчивый, так и норовит завалиться набок. На какую-то секунду этот метод сработал. Он по памяти назвал двенадцать фигур. Тринадцатую всё-таки забыл.

— Достаточно. Идём дальше.

Дальше началось мысленное вращение. На экране появлялась сложная трёхмерная фигура — нечто вроде причудливо скрученной лестницы, у которой три пролёта торчали в совершенно разные стороны. Рядом предлагались четыре варианта этой же самой фигуры, но повернутой под другими углами. Требовалось выбрать, какой именно вариант полностью совпадает с оригиналом.

Юра напряжённо смотрел на экран. Его мозг по привычке пытался описать вращение фигуры словами: «Так, верхний пролёт уходит влево, значит, если повернуть всю конструкцию на девяносто градусов...» Но слова безнадежно путались. Конструкция в воображении рассыпалась на части.

И тогда он сделал то, что делал всегда в те моменты, когда слова отказывались ему служить. Он живо представил, что держит эту непонятную фигуру в собственных руках. Представил, что она вырезана из дерева — тёплая, с приятными закруглёнными рёбрами. Его пальцы, лежащие на коленях, едва заметно шевельнулись, будто и впрямь обхватили невидимый предмет. И фигура послушно повернулась в уме. Плавно, легко, как настоящая деревяшка в живых ладонях.

— Второй вариант, — уверенно произнёс он.

— Верно. Дальше.

Следующая фигура оказалась ещё сложнее. У неё было уже четыре пролёта, причём один хитро загнут вниз. Юра снова мысленно взял её в руки — обхватил пальцами, покрутил. Пальцы на коленях опять рефлекторно дрогнули, повторяя движение.

— Третий.

— Верно.

В итоге он правильно ответил на одиннадцать вопросов из двенадцати. Когда на экране возникла последняя, самая запутанная головоломка с пятью пролётами и одним встроенным кольцом, Юра почувствовал, как его тело само собой подалось чуть вперёд. Напряжённые плечи опустились. Дыхание стало глубоким и ровным. Теперь он думал не словами, а тактиль-

ными ощущениями. И руки знали правильный ответ гораздо раньше, чем мозг успевал облечь его в речь.

За соседним столом Кирилл щёлкал мышкой с ровной, пугающе механической скоростью. Юра краем глаза видел, как аспирант расправляется с фигурой за фигурой, не задерживаясь ни на одной дольше трёх секунд. Лицо Кирилла при этом оставалось абсолютно неподвижным и даже слегка скучающим.

Затем начался тест на пересказ.

Воронов включил аудиозапись: спокойный мужской голос надиктовывал короткий, минуты на две, текст о том, как устроена система водоснабжения в старом городе. Юра внимательно слушал. Он всё понимал. Перед его внутренним взором тут же выстроилась чёткая схема: вот резервуар на высоком холме, вот трубы, идущие вниз, вот разветвление, вот давление воды.

Запись оборвалась. Воронов негромко скомандовал:

— А теперь перескажите всё своими словами. Мне. Вслух.

И вот тут всё рухнуло.

Юра открыл рот. Схема в его голове по-прежнему была яркой, объёмной, со всеми нужными трубами и вентилями. Но между этой идеальной картинкой и его речевым аппаратом пролегла непреодолимая пропасть. Слова, которые должны были описать схему, выстраивались в очередь на языке и тут же теряли всякий порядок.

Он попытался начать: «Значит, вода идёт сверху...» — и тут же запнулся. «То есть, резервуар стоит выше, и за счёт...» — снова мучительная запинка. «Система работает по принципу...» Его голос предательски дрогнул и стал тонким. Плечи снова поползли вверх, к ушам.

Воронов смотрел на него абсолютно спокойно, не выражая никаких эмоций, но сам факт этого пристального взгляда давил, как тяжёлая физическая ладонь, опущенная на грудь.

— Я... ну, там резервуар, и от него идут трубы... и давление создаётся самой высотой, а потом идёт разветвление на... на разные районы... и там стоят вентили, которые... которые всё это регулируют...

Он окончательно замолчал. В горле пересохло так, словно он проглотил песок. Схема в голове оставалась целой и невредимой. Но изо рта вырывались лишь жалкие, бессвязные обрывки.

Воронов молча кивнул и сделал какую-то пометку в своём блокноте. Он не произнёс ни «хорошо», ни «плохо». Просто записал результат.

— Идём дальше. Теперь я добавлю звуковые помехи.

Он включил стоящую на столе колонку. Из неё в ту же секунду полился густой белый шум — ровный, раздражающе шипящий, как звук ненастроенного телеканала. Поверх этого шипения тот же самый мужской голос начитывал уже новый текст. Юра отчаянно пытался вслушиваться. Шум агрессивно лез в уши, заполнял собой всё пространство между словами, и смысл текста моментально превращался в вязкую кашу. Ему удалось ухватить от силы три слова из десяти.

— Пересказывайте.

И Юра пересказал. Вернее, попытался это сделать. В этот раз вышло ещё хуже, чем в предыдущий. Назойливый шум не давал удержать в голове даже тонкую нить повествования. Хрупкие слова выскальзывали из памяти, словно мокрые камешки из ослабевших пальцев.

Воронов снова молча сделал пометку в блокноте. Юра краем глаза заметил, как за соседним столом Кирилл уже закончил свой тест на пересказ и расслабленно откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. Его лицо выражало лёгкое, едва скрываемое нетерпение — с таким обычно ждут, пока слишком медленный лифт наконец доедет до нужного этажа.

Затем начался тест на зрительный контакт.

На экране стали появляться фотографии лиц. Самых разных. Мужских и женских, молодых и старых. Каждый человек на снимке смотрел прямо в объектив камеры. От Юры требовалось лишь одно: быстро сказать, куда именно направлен взгляд сфотографированного — влево, вправо, вверх, вниз или прямо на зрителя.

Казалось бы, всё просто. Даже примитивно.

Но на четвёртой фотографии Юра физически почувствовал, как его собственное тело среагировало гораздо раньше, чем успел подумать мозг. Плечи нервно дёрнулись. Шея инстинктивно втянулась. Дыхание перехватило где-то в верхней части груди. Сама фотография была совершенно заурядной — обычный мужчина в очках, смотрящий чуть вправо. Но сам факт этого чужого, пристального взгляда, направленного прямо на него, пусть даже с плоского экрана, моментально разбудил того самого внутреннего сторожа.

— Вправо, — произнёс Юра. Голос прозвучал глухо и сдавленно.

— Верно. Дальше.

Следующая фотография. И ещё одна. Внутренний сторож не унимался, сковывая плечи ледяным напряжением. Юра отвечал абсолютно правильно, но каждое новое чужое лицо стоило ему маленького, скрытого от глаз усилия, каждого нервного сглатывания. К двадцатой фотографии он чувствовал себя настолько вымотанным, будто весь день напролёт безостановочно общался с толпой незнакомцев.

Воронов всё это время внимательно наблюдал за ним. Но смотрел он не на экран монитора. Он смотрел на Юру. Следил за линией его напряжённых плеч, за сбившимся ритмом дыхания, за тем, как его пальцы судорожно сжимаются и разжимаются на коленях.

— Достаточно, — наконец сказал учёный. — Делаем перерыв на десять минут. Выйдите в коридор, попейте воды, просто подышите.

Юра вышел. Ноги предательски гудели. В ушах продолжал стоять тот самый назойливый белый шум, который недавно лился из колонки, хотя сама колонка уже давно молчала. Он добрёл до кулера, налил полный пластиковый стаканчик и жадно выпил. Тут же налил ещё один. Вода оказалась ледяной, и от её резкого холода неприятно заломило зубы.

Он устало прислонился спиной к стене. Этот лабораторный кафель был прохладным, и этот ровный холод, простирающийся сквозь тонкую ткань рубашки, показался Юре почти спасительным. Плечи, наконец, с облегчением опустились. Невидимый сторож внутри чуть ослабил свою мёртвую хватку.

И в этот момент он услышал шаги. Лёгкие, быстрые, с тем особым, рваным ритмом, который бывает только у людей, идущих не навстречу кому-то, а сбегающих от кого-то.

Из-за поворота коридора показалась женщина. На вид ей было около тридцати: одета в безразмерный серый свитер и тёмные джинсы, под мышкой зажата плотная папка, на одном плече небрежно висит рюкзак. Волосы наспех собраны в растрёпанный узел. Лицо абсолютно без косметики, бледное, с теми характерными тёмными кругами под глазами, которые безошибочно выдают людей, сутками не спавших или слишком долго смотревших в яркий свет монитора.

Она целенаправленно шла к выходу. Юра вежливо посторонился, уступая дорогу. Женщина уже прошла мимо, но вдруг прямо на середине шага резко остановилась. Повернулась и посмотрела на него. Её взгляд скользнул по его шапочке-сетке, снова нелепо съехавшей на лоб. По прозрачному электродному гелю, который ещё не успел высохнуть на висках. По грязным уличным ботинкам и ссутуленным, напряжённым плечам.

— Первый раз? — спросила она. Её голос звучал ровно, чуть хриловато, без малейшего намёка на интерес или сочувствие. Это была простая, сухая констатация факта.

— Да.

Она коротко кивнула. Переложила папку из одной руки в другую. В этот момент Юра успел прочитать наклеенный на обложку ярлык: «А. Шевченко. Протокол тактильной обратной связи. Закрытие». Причём слово «закрытие» было жирно подчёркнуто дважды.

Женщина смотрела на него ещё какую-то секунду. А потом произнесла — очень тихо и без всякого пафоса, с интонацией человека, который озвучивает мысль, уже сотню раз повторённую самому себе:

— Если здесь вам обещают, что вы станете умнее, обязательно спросите, что именно в вас собираются посчитать лишним.

Она явно не ждала от него ответа. И уж тем более не ждала встречных вопросов. Просто бросила эти слова в пустой воздух коридора — так, как бросают мелкую монету в тёмную воду колодца, — и двинулась дальше. Тяжёлые каблуки её ботинок гулко стукнули по линолеуму ещё три раза, и она бесследно скрылась за поворотом.

Юра так и остался стоять у кулера с пластиковым стаканом в руке, пытаясь понять, что именно ему сказали. Вода в нём давно перестала казаться ледяной. Странная фраза незнакомки осела где-то глубоко внутри, как оседает мелкая пыль на книжной полке: поначалу её совсем не замечаешь, но потом оказывается, что она покрыла собой абсолютно всё.

Что именно в вас собираются посчитать лишним.

Он залпом допил воду. Смял и выбросил стаканчик в урну. И вернулся в лабораторию.

Вторая половина тестовой батареи оказалась гораздо хуже первой.

Начались вестибулярные тесты. Юру усадили на тот самый странный агрегат в тёмном углу — жутковатый гибрид стоматологического кресла и велосипедного тренажёра. На голову водрузили плотный обруч, утыканный датчиками. Воронов деловито нажал какую-то кнопку на пульте, и кресло с тихим гудением начало медленно вращаться.

Сначала просто вокруг своей вертикальной оси. Затем оно неожиданно наклонилось. А потом продолжило вращаться, сохраняя этот неестественный наклон.

Желудок Юры отозвался первым. Не закружилась голова. Не потемнело в глазах. Среагировал именно желудок. Внутри всё мгновенно поплыло — чувство было таким же, как в трясущейся маршрутке на очень крутом повороте, только в десять раз медленнее и оттого в десять раз мучительнее. Он мёртвой хваткой вцепился в подлокотники. Костяшки пальцев моментально побелели от напряжения.

— Дышите, — донёсся до него спокойный голос Воронова. — Дышите ртом. Медленно и глубоко.

Юра отчаянно старался дышать. Кресло продолжало своё монотонное вращение. Мир за плотно сжатыми веками окончательно превратился в тошнотворную кашу из кружащихся световых пятен и теней. Он всем существом чувствовал, как его дезориентированное тело пытается нащупать точку опоры, которой здесь попросту не существовало. Пальцы на жёстких подлокотниках ритмично сжимались и разжимались в поисках спасения.

Кресло наконец остановилось. Юра осторожно открыл глаза. Комната перед ним плыла. Медленно, тягуче, но неотвратимо плыла. Он тяжело сглотнул.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался Воронов.

— Так, будто меня сейчас стошнит, но до критической точки пока не дошло.

— Это нормальная реакция. Зафиксируем.

Затем начался блок на выявление логических ошибок. Воронов предлагал задачи, в которых правильный ответ был заведомо невозможен. Логические цепочки, резко обрывающиеся на самой середине. Геометрические фигуры, у которых не хватало одной важной стороны. Тексты, не имеющие никакого логического вывода. От Юры требовалось лишь одно: точно указать, где именно в задаче кроется поломка.

И на этом этапе он снова остро почувствовал колоссальную разницу между собой и Кириллом. Аспирант находил логический сбой мгновенно — так опытный снайпер выхватывал

вает взглядом мишень. Щелчок — и готов ответ. Ещё щелчок — новый ответ. Лицо Кирилла при этом оставалось абсолютно неподвижным и даже откровенно скучающим.

Юра же мучился. Он интуитивно чувствовал, что ответ где-то совсем рядом, ощущал его почти физически, как ощущают незримое чужое присутствие в тёмной комнате. Но облечь это понимание в чёткие слова, мысленно ткнуть пальцем в конкретное место — всё это требовало колоссальных усилий и времени. А под внимательным взглядом Воронова, который молча и спокойно ждал ответа, время растягивалось, словно вязкая смола.

На четвёртой «сломанной» задаче Юра неуверенно произнёс:

— Здесь... здесь явно не хватает логического перехода. Между вторым и третьим пунктами. Как будто кто-то грубо вырезал кусок плёнки и склеил оставшиеся края.

— Абсолютно верно, — кивнул Воронов. — Записали.

За соседним столом Кирилл удивлённо приподнял бровь. Он посмотрел на Юру с тем специфическим выражением, с каким обычно смотрят на человека, умудрившегося потратить целых сорок секунд на действие, занимающее от силы три. В этом мимолётном взгляде не было ни капли злобы или высокомерия. Лишь искреннее недоумение: зачем делать всё так мучительно медленно?

Юра смущённо отвёл глаза. Его пальцы, лежащие на коленях, снова нервно сжались.

Дальше последовал тест на переключение стратегий.

Воронов давал вводную задачу и спустя ровно тридцать секунд внезапно менял главное правило её решения. Юра только-только нащупывал верный подход — и вот, условия игры уже другие. Всё, что он успел выстроить в уме за эти полминуты, приходилось безжалостно выбрасывать и начинать с чистого листа.

В первый раз он откровенно растерялся. Во второй — глухо разозлился на самого себя. А на третий раз вдруг почувствовал, как внутри что-то явственно щёлкает, будто сработал тугой механический переключатель, и новая стратегия плавно ложится поверх старой, отменённой. В четвёртый раз переключение прошло ещё легче. В пятый — почти мгновенно.

Воронов неотрывно следил за его глазами. Юра даже не подозревал, что лёгкая оправа, надетая на него перед началом этого блока, скрывает крошечные камеры, с хирургической точностью фиксирующие каждое движение зрачка. Он не знал, что каждый его растерянный взгляд в угол экрана, каждая микросаккада, каждое крохотное зависание на долю секунды дольше положенного скрупулёзно записывается и навсегда ложится в цифровой файл с его фамилией.

Он просто продолжал решать. И чувствовал, как чудовищно устал его мозг. Устал по-настоящему, физически, как гудят перенапряжённые мышцы после тяжёлой многочасовой работы. В висках горячо пульсировало. Сразу за глазами поселилась тупая, давящая тяжесть.

— Последнее задание, — мягко произнёс Воронов. — Закройте глаза.

Юра послушно опустил веки.

— Представьте, что вы стоите на пороге незнакомой комнаты. Прямо перед вами закрытая дверь. Вы медленно открываете её. Что там?

Юра напряг воображение. Дверь. Прохладная ручка. Он нажимает на неё и делает шаг вперёд. За дверью не оказалось ничего. Только абсолютная пустота. Абсолютно белое, бесконечное пространство. Ни стен, ни пола, ни мебели. Просто ослепительно белое ничто.

— Что вы там видите? — тихо спросил учёный.

— Пустоту. Просто всё белое.

— Сколько времени, по вашим ощущениям, вы там пробыли?

— Не знаю. Одну секунду. Может, две.

— Хорошо. Теперь можете открыть глаза.

Юра открыл. После той стерильной белой пустоты за воображаемой дверью реальная комната лаборатории показалась ему слишком яркой, чрезмерно конкретной и до дурноты набитой лишними вещами. Он часто-часто заморгал, привыкая к свету.

— На этом всё, — подытожил Воронов. — На сегодня мы закончили. Можете снять аппаратуру.

Юра с облегчением стянул с головы сетку. Волосы под ней насквозь промокли от пота. На висках остались липкие следы подсыхающего электродного геля. Он машинально потёр их рукавом рубашки и почувствовал, как от жёсткой ткани горит чувствительная кожа. Три часа. Он просидел в этом неудобном пластиковом кресле целых три часа, и тело затекло настолько, что когда он наконец поднялся на ноги, его суставы громко хрустнули — точь-в-точь как ржавые петли старой двери.

Кирилл к тому моменту уже давно снял свои датчики и теперь деловито убирал ноутбук в рюкзак. Все его движения были быстрыми, чёткими и экономными. Ни одного лишнего жеста.

— Ну как впечатления? — бросил он, обращаясь, скорее, к Воронову, нежели к Юре. — Забавно, не так ли? Прямо как в цирке. Только попкорна не хватает.

Воронов пропустил реплику мимо ушей. Он уже сидел за своим столом, не отрывая взгляда от монитора, по которому ползли бесконечные цветные графики. Кирилл равнодушно пожал плечами, закинул тяжёлый рюкзак на плечо и направился к выходу. Уже у самой двери он на секунду обернулся, посмотрел на Юру коротким, оценивающим взглядом — так старожилы смотрят на новичка, впервые пришедшего в спортивную команду, — и бросил:

— Маленький совет: в следующий раз на вращении не зажимайтесь так сильно. Расслабьте шею. Тогда не будет такой тошноты. Но это если следующий раз будет.

И вышел вон. Тяжёлая дверь за ним закрылась с мягким, глухим щелчком.

Юра так и остался стоять посреди пустеющей лаборатории, бессмысленно сжимая в руках скомканную одноразовую шапочку. В гудящей голове было пусто. Тело гудело не меньше. Даже кончики пальцев мелко подрагивали и ныли, будто он все эти три часа держал на весу что-то неподъёмное.

— Присаживайтесь обратно, — нарушил тишину Воронов. — Я хочу вам кое-что показать.

Юра тяжело опустился на стул. Воронов развернул к нему свой монитор. На широком экране светилась карта. Но не географическая, и уж тем более не схема линий метрополитена. Это было нечто совершенно иное: сложный набор координатных осей, смысловых блоков и ярких цветных зон, причудливо соединённых между собой стрелками разной толщины. В самом верху экрана значился чёткий заголовок: «Орлов Ю. А. Когнитивный профиль. Первичный срез».

— Сразу предупреждаю: это не медицинский диагноз, — спокойно пояснил Воронов. — Это не приговор. И уж точно не оценка ваших умственных способностей. Это просто подробная карта того, как именно работает ваш мозг конкретно сейчас, в этот самый период времени. Пройдёт месяц, и она неизбежно изменится. Пройдёт два — изменится до неузнаваемости. Накопленный стресс, качество сна, питание, банальное настроение — абсолютно всё искривляет эту карту. Но на сегодняшний день она выглядит именно так.

Он уверенно ткнул пальцем в левый верхний блок схемы.

— Аналогии. С ними у вас всё прекрасно, это очень сильная сторона. Вы мыслите объёмными образами, неочевидными связями, глубокими параллелями. Помните, когда я спросил вас о красном цвете, вы описали его через понятия тепла и ожога? Это и есть аналогия. Когда вы пытались объяснить мне устройство тарифов, вы оперировали понятиями сборки и системных полей. Это тоже чистой воды аналогия. Это ваш главный, самый надёжный ментальный инструмент.

Затем палец учёного переместился в правую часть экрана.

— А вот последовательная вербалика. И здесь у вас очевидный провал. Вы прекрасно видите картину целиком, но категорически не способны выстроить связную логическую цепочку из слов от начала и до самого конца. А под чужим пристальным взглядом этот провал и вовсе превращается в непреодолимый обрыв. Ваша рабочая память попросту обнуляется. И происходит это не потому, что её объём от природы мал. А потому, что колоссальный стресс от чужого внимания мгновенно съедает весь доступный ресурс, и на формулирование слов его уже физически не остаётся.

Юра молча смотрел на светившуюся карту. На тревожную красную зону, которая наглядно иллюстрировала его главный провал. На успокаивающую зелёную, которая означала его сильные, спасительные аналогии. На нейтральную жёлтую где-то посередине — моторику, оказавшуюся чуть выше средних значений.

— Моторная память, — продолжал Воронов, уверенно указывая на жёлтую зону графика. — Выше среднего. Ваши руки знают гораздо больше, чем ваш рот успевает высказать. Мысленное вращение вы выполняли через тело: пальцы двигались так, будто вы и вправду держали объёмную фигуру в руках. Вестибулярный отклик у вас острый и точный: тело улавливает равновесие гораздо раньше головы. И это огромный ресурс.

Палец учёного переместился на нижний блок.

— Стратегическое переключение — на среднем уровне. Вы успешно адаптируетесь, но делаете это медленно. В первый раз теряетесь, во второй — злитесь, на третий в голове что-то щёлкает. К четвёртому разу всё идёт уже нормально. Это значит, что вам объективно требуется время на перестройку. Не так уж много. Но оно обязательно должно быть.

Воронов откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на Юру. В его взгляде не было ни малейшей жалости. Ни восторженного удивления. Было нечто совершенно иное — сосредоточенное, спокойное выражение лица человека, который изучает сложный чертёж и мысленно прикидывает, что именно из него можно построить.

— Вот что я хочу, чтобы вы чётко усвоили, — сказал он. — То, что я вижу на этой карте, вовсе не называется «тупостью». Не называется «слабостью». И уж тем более это не ваш «потолок». Всё это называется одним простым словом — архитектура. У вашей головы есть мощные сильные стороны, которые вы всю жизнь считали абсолютной бесполезностью, потому что стандартная школа и привычная работа требуют ровно противоположного: быстрой, чёткой последовательной речи под чужим пристальным взглядом. А то, чем вы действительно богаты — аналогии, моторика, развитое тело, — в этой системе координат вообще никак не оценивается. Именно поэтому вы сами для себя решили, что у вас ничего нет. Никаких очевидных достоинств. Я это сразу понял.

Юра молчал. Внутри него что-то неумовимо сдвинулось. Совсем чуть-чуть, словно с насиженного места сдвинулся тяжёлый камень, который годами лежал на одном месте, пока кто-то наконец не толкнул его. Никакого переворота. Никакого озарения. Просто тихий, глубокий сдвиг. Он понял, что учёный его прочитал, почти как раскрытую книгу, причём сразу, ещё до этих тестов, в библиотеке.

— А вот это пустое пространство на карте, — Воронов обвёл пальцем белую зону между аналогиями и вербаликой, — и есть наша отправная точка. Мы не станем тратить силы на то, чтобы разгонять сломанные механизмы или латать чужие недочёты. Вместо этого мы построим систему заново — с нуля. Удивительно, но такой подход гораздо проще, чем без конца перестраивать то, что уже прочно закрепилось в человеке.

Юра смотрел на карту и чувствовал, как внутри медленно разжимается пружина, которую он сжимал двадцать пять лет. Но вместе с облегчением пришёл и вопрос — простой, детский, стыдный:

— Арсений Павлович... а как это вообще работает? То, что вы делаете. Я не понимаю. Шлем, датчики, картинки... Это что, мне в голову что-то закачивают? Как в компьютер?

Воронов усмехнулся. Не насмешливо — скорее устало, как человек, которому этот вопрос задают в сотый раз.

— Нет. Ничего не закачивают. Запомните это как первое и главное правило: мы не загружаем знания. Мы не делаем вас умнее в том смысле, в каком это показывают в кино. Никаких чипов. Никакой записи информации напрямую в мозг. Это невозможно и не нужно.

— Тогда что?

— Представьте, что ваш мозг — это не пустой склад, куда нужно положить товары, а фабрика. У неё есть конвейер, станки, рабочие. И эта фабрика уже работает. Она уже что-то производит. Но конвейер у вас настроен криво: одни станки перегружены, другие простаивают, а на выходе получается брак. Не потому что фабрика плохая, в целом она хорошая. А потому что никто не посмотрел, как именно у вас стоят станки, и не перенастроил цепочку. То есть, фабрика не организована нужным образом.

Юра моргнул. Это было понятно. Это было про него.

— Мы делаем три вещи, — продолжил Воронов, загибая пальцы. — Первое: изучаем вашу фабрику. Где сильные станки, где слабые, где конвейер обрывается. Это то, что мы делали сегодня — тесты, замеры, карта. Второе: даём вам новые маршруты. Не новые знания, а новые способы добираться до знаний. Ваш мозг не может идти по прямой, от пункта А к пункту Б. Но он умеет двигаться по диагонали, через аналогии, через тело, через образы. Мы строим ему эти диагональные тропинки. Третье: тренируем. Как мышцу. Медленно. С повторением. С постепенным увеличением нагрузки, чтобы он нужную нагрузку выдерживал.

— А шлем? А датчики?

— Шлем не думает за вас. Он смотрит, как вы думаете. Фиксирует, куда вы смотрите, где застреваете, где ваш мозг врёт вам, говорят, что якобы понял, а на деле просто запомнил картинку. Датчики на теле ловят то, что вы сами не замечаете: когда напряглись, когда перестали дышать, когда сердце забилося чаще. Потому что тело часто знает правду раньше головы. А мы эту правду показываем вам. Как в зеркале.

Юра переваривал. Медленно. По-своему — не последовательно, а пучками.

— То есть... вы не делаете меня умнее. Вы делаете так, чтобы я увидел, как именно я туплю. И дали мне другой способ не тупить.

Воронов впервые за день улыбнулся. По-настоящему.

— Грубо. Но по сути — да. Только слово «туплю» я бы заменил. Вы не тупите. Вы иначе собираете информацию, иначе с ней работаете, чем от вас ждут. А мы научим вас собирать её и обрабатывать так, чтобы результат можно было показать миру. Мы здесь не будем вас переучивать. Мы дадим вам переводчик. Это будет переводчик между тем, как работает ваша голова, и тем, как мир требует от вас говорить и действовать.

Юра кивнул. Внутри что-то улеглось. Не стало легко — стало понятно. А понятное уже не пугает так, как непонятное.

Он продолжал смотреть на карту. На собственную голову, разложенную по сухим осям и цветным блокам. На свои руки, которые неожиданно оказались умнее его собственного языка. На собственный провал, который вдруг перестал быть проклятием, превратившись в индивидуальную особенность архитектуры.

Где-то глубоко внутри возникло нечто, похожее на робкое облегчение. Маленькое, хрупкое, хрустящее, как самый первый тонкий лёд на осенней луже, готовый расколоться от одного случайного взгляда. Облегчение от того, что ему наконец-то дали точный язык. Что кто-то вслух назвал то, что он всю жизнь привык чувствовать, как невыносимый, безымянный стыд. Архитектура. Никакой не приговор. И уж точно не потолок. Просто архитектура. И переводчик, с помощью которого он сможет более эффективно взаимодействовать с этим миром. Это обнадёживало.

— Спасибо, — тихо сказал Юра. Голос прозвучал хрипло.

Воронов коротко кивнул:

— Не за что благодарить. Это не подарок с барского плеча. Это просто сухие данные. Завтра мы начнём с ними работать. Если, конечно, вы сами этого хотите. Если хотите изменить мышление, стать эффективнее, можно сказать, умнее. Но это пока без гарантий.

— Хочу, — незамедлительно ответил Юра.

— Хорошо. Тогда слушайте внимательно. Официальных ставок для волонтёров и ассистентов у нас нет. Зарплаты платить я не смогу. Но взамен вашего участия в этой работе вы получаете полный доступ. К закрытым сессиям, к специализированной литературе, к исследовательским протоколам. Вашими обязанностями также станет помощь в подготовке оборудования, правильная раскладка электродов и уборка лаборатории после сессий. А в награду — присутствие. Наблюдение. И постепенное включение в процесс. Вас это устраивает?

— Более чем.

— Отлично. Тогда жду вас завтра ровно в восемнадцать ноль-ноль. Вход всё также со двора. Работаем здесь.

Юра медленно поднялся со стула. Ноги затекли от долгого сидения. Он немного потоптался на месте, разгоняя застоявшуюся кровь, и решительно направился к выходу. Но у самого порога неожиданно остановился.

— Арсений Павлович.

— Да?

— Тот самый вопрос. Про красный цвет. Вы сказали, что можно попробовать описать красное, если категорически запретить использовать слова «цвет» и «свет». Я тогда ответил: через тепло, через жгучий ожог. Но ведь это... это просто описание. А ваш вопрос звучал иначе: чем описать, а не как. Возможно, не словами, а одним числом. Скажите, красный цвет действительно можно объяснить всего одним числом?

Воронов медленно снял очки. Аккуратно неспеша протёр их краем тёмного шарфа. Затем посмотрел на Юру уже без оптических стёкол, и в этот момент его лицо неувлимо изменилось — стало более мягким, зрелым и даже каким-то уязвимым.

— Полный вариант этого вопроса звучит несколько иначе, — неторопливо произнёс он. — Как именно можно объяснить красный цвет человеку, слепому от рождения, используя для этого ровно одно-единственное число? Не красивым описанием. Не привычной аналогией. И тем более не длинным рассказом. Только одним числом.

Он выдержал тяжёлую паузу.

— Запишите его. Обязательно запишите в свой блокнот. Но зафиксируйте не как очередную задачу для решения, а именно как вопрос. Вся разница заключается в том, что абстрактные задачи люди обычно просто решают, а вот настоящие вопросы — носят с собой. Иногда на протяжении долгих лет.

Юра достал из кармана куртки свой дешёвый блокнот, о котором только сейчас и вспомнил — мягкая обложка, серые страницы, он был куплен в переходе за, кажется, сорок рублей. Он даже не помнил, зачем покупал его, кажется, чтобы записать чей-то адрес. Юра открыл его на чистой странице. Взял со стоящего неподалёку стола карандаш и написал коряво, с нажимом:

«Как объяснить красный цвет слепому от рождения одним числом?»

Посмотрел на строчку. Ниже, чуть мельче, добавил: «Телом?»

Закрыв блокнот. Сунул в карман.

— До завтра, — сказал он.

— До завтра, — ответил Воронов.

Юра вышел в коридор. Линолеум под ногами. Зеленоватый или бледноватый свет ламп, уже не разберёшь. Запах пластика и тёплой пыли. Он шёл к выходу, и его тело гудело, как гудит трансформаторная будка, если приложить к ней ладонь. Три часа в пластиковом кресле.

Шапочка на голове. Электроды на висках. И ещё кресло, которое вращалось. Фотографии чужих лиц, смотрящих прямо на него. Белый шум. Сломанные задачи.

И карта. Его собственная голова на карте. С цветными зонами и стрелками. С пустым местом, которое оказалось не дырой, а местом для строительства.

Он шёл и чувствовал, как внутри шевелится то самое облегчение. Хрупкое. Временное. Завтра стресс снова скривит карту. Завтра плечи снова дёрнутся вверх под чужим взглядом. Завтра он снова не сможет связать трёх слов в совещалке. Но сегодня, в этом коридоре с зелёным или бледным светом, кто-то впервые назвал его устройство ума нормальным словом, без унижения. Без слова «лох». Без «потолка». Без отцовского пальца, который тыкал в висок, настойчиво убеждая Юру, что тот глупый.

Архитектура.

Слово лежало внутри, как тёплый камень в кармане. Оно не решало ничего. Но грело.

У выхода он натянул куртку. На улице было уже достаточно темно. Фонари горели, и их свет ложился на мокрый асфальт жёлтыми лужами. Воздух пах прелыми листьями и далёким дымом, где-то что-то жгли. Юра застегнул куртку до подбородка и пошёл к остановке.

В кармане лежал блокнот. Внутри блокнота лежал вопрос. Красный. Число. Слепой. Телом?

Он не знал ответа. Не знал даже, существует ли ответ. Но вопрос был записан, и от этого он перестал быть чужим. Стал его собственным, как та самая скрепка в кармане, как тот самый запах хлеба, который не вернулся.

На остановке ждали трое. Женщина с тяжёлыми сумками. Старик в кепке. Подросток в наушниках, который смотрел в телефон и не видел ничего вокруг. Юра встал рядом. Маршрутка подъехала через четыре минуты. Дверь открылась с шипением.

Он зашёл. Сел у окна. Прижался лбом к холодному стеклу. За окном плыл вечерний город: мокрые улицы, светящиеся витрины, чужие окна с чужим тёплым светом. Юра смотрел на них и думал о том, что женщина в коридоре сказала: «Спросите, что именно в вас собираются считать лишним».

Что в нём лишнее? Плечи, которые дёргаются раньше головы? Пальцы, которые листают ленту в сети, отвлекая от лекций? Неспособность сказать три слова под чужим взглядом? Страх перед отцом, перед совещалкой, перед любым человеком, который смотрит?

Или лишнее — это как раз то, что он всю жизнь пытался в себя впихнуть? Чужая последовательность. Чужая скорость. Чужая уверенность. Чужой способ чётко и ясно говорить, когда на тебя смотрят?

Маршрутку тряхнуло на стыке. Юра качнулся. Стекло холодило лоб.

Он не знал ответа. Но впервые за много лет вопрос был сформулирован, по-новому, не «что со мной не так», «как я устроен». Разница была маленькой. И огромной.

В блокноте, в кармане, под слоями ткани и подкладки, лежала строчка: «Как объяснить красный цвет слепому от рождения одним числом?»

Юра закрыл глаза. Маршрутка качала его, как колыбель. За окнами темнело. Город засыпал, и в его окнах гасли огни, один за другим, как гаснут свечи в пустеющем зале.

Он ехал домой. К отцу, который будет смотреть телевизор. К матери, которая будет молча мыть посуду. К своей тесной комнате со старым шкафом. К книге на тумбочке, которую он завтра снова положит в рюкзак, так толком и не начав её читать.

А в лаборатории на столе Воронова лежал файл с пометкой: «Орлов Ю. А. Сессия 1. Первичный срез». В конце файла, в разделе примечаний, техник, который обрабатывал сырые данные айтрекинга, оставил короткую запись:

«14:37. Перенос задачи 9. Кратковременный срыв прогноза модели внимания, 0,3 сек. Похоже на моргание. Артефакт?»

Никто не обратил на эту строчку внимания. Воронов просматривал файл бегло, и его глаз зацепился за графики моторики. Техник, который писал примечание, уже ушёл домой. Кирилл Берг сидел в кафе через дорогу и пил кофе, листая ленту новостей и переписываясь с кем-то в мессенджере. Женщина по имени Анна Шевченко вышла из института двадцать минут назад и шла к метро, сжимая под мышкой папку с надписью «Закрытие».

Строчка про моргание осталась в файле. Тихая, ненужная, похожая на случайную помеху.

Как пылинка на стекле, которую никто не замечает, пока не включат свет под нужным углом.

Маршрутка довезла Юру до его остановки. Он вышел. Перешёл дорогу. Зашёл в подъезд. На площадке четвёртого этажа снова не горела лампочка. Он поднимался в темноте, держась за перила, и его пальцы запоминали каждый поворот, каждую ступеньку, каждый скол на бетоне.

Дома отец смотрел телевизор. Мать мыла посуду. Всё как всегда. Юра тихо прошёл в свою комнату. Сел на кровать. Достал блокнот. Открыл на странице с вопросом про красный. Посмотрел на него.

Потом перевернул страницу и написал: «Плечи раньше головы. Руки умнее рта. Пустое место — место для строительства».

Закрыв блокнот. Положил на тумбочку рядом с серой книгой.

За окном шумел ветер. Где-то далеко гудела трансформаторная будка. Юра лёг на кровать, не раздеваясь, и уставился в потолок. Час был поздний, но спать почему-то не хотелось.

Внутри гудело. Тело гудело. Голова гудела. Даже пальцы гудели. Три часа в пластиковом кресле. Три часа чужих глаз, датчиков, вращений и белого шума. И карта. Его собственная карта. С цветными зонами и пустым местом. Это не выходило у него из головы.

Он закрыл глаза. Перед веками плыли фигуры из теста: треугольники, ромбы, скрученные лестницы. Они медленно вращались в темноте, и его пальцы под одеялом чуть шевелились, как будто держали их.

Завтра он вернётся. Послезавтра тоже. И через неделю. И через месяц. Обязательно вернётся.

Он вернётся, потому что впервые за двадцать пять лет кто-то посмотрел на его голову и сказал: вот здесь у вас провал, а вот здесь ресурс. И не добавил ни слова сверху. Ни «лох». Ни «потолок». Ни «не позорься».

Просто карта. Просто архитектура. Просто пустое место, с которого или на котором можно начать строить.

Юра заснул. Ему снилась белая комната за воображаемой дверью. Пустая. Тихая. Без стен и без пола. Он стоял в ней и не боялся. Вокруг было белое, и это белое ждало, пока он решит, чем его заполнить.

Или не решать. Просто стоять. Просто дышать.

За окном была глубокая осенняя ночь. Ветер качал голые ветки. Где-то в институте, в серверном шкафу, тихо гудел диск, на котором лежал файл с одной неприметной строчкой про моргание. Строчка ждала. Терпеливо. Как ждёт всё, что ещё не пришло время увидеть.

Глава 3. Тошнота понимания

В пятницу Юра пришёл к институту на добрых двадцать минут раньше назначенного времени.

Он стоял в тихом внутреннем дворе, прислонившись спиной к шершавой кирпичной стене, и физически чувствовал, как стылый холод камня постепенно проступает сквозь плотную ткань куртки. В кармане лежал блокнот с неразрешимым вопросом про красный цвет. А в памяти ярким пятном отпечаталась карта — та самая, вчерашняя, с цветными зонами и зияющим белым пространством. За долгую ночь она успела немного потускнеть, как выцветает оставленная на ярком свете фотография, но основные контуры никуда не делись. Аналогии — зелёные. Вербалика — красная. Моторика — жёлтая. Пустое место — кристально-белое.

Он пришёл сюда не просто для того, чтобы узнать о границах своих способностей, а чтобы стать умнее. Прямо сейчас. Сегодня же. Пусть на это уйдёт три часа, пять часов или целая неделя — главное, чтобы лёд наконец тронулся. Чтобы та проклятая дыра в последовательной речи, из-за которой он каждый раз обнулялся под чужим внимательным взглядом, хоть немного затянулась. Чтобы пальцы перестали рефлекторно скроллить новостную ленту во время важных лекций. Чтобы в тесной переговорке он мог произнести хотя бы три связных предложения подряд и при этом не сгореть со стыда. Вот чего он отчаянно желал.

Воронов вчера показал ему карту. Карта была хорошей, подробной. Она дала Юре нужный понятийный аппарат. Но одни лишь правильные термины не способны починить сломанный речевой механизм. Нужно было срочно что-то делать с этим непослушным ртом. С этой путающейся головой. И с этим предательским телом, которое сжималось в комок гораздо раньше, чем мозг успевал сообразить, что происходит.

Юра решительно оттолкнулся от стены. Пальцы совсем заledenели. Он глубоко сунул их в карманы куртки и зашагал к массивной двери. Пора.

Привычный код. Тугой щелчок. Тёмные следы на светлом линолеуме. Болезненно-зеленоватый свет потолочных ламп. Специфический запах свежего пластика и нагретой пыли. Всё было точно так же, как и вчера. С одной лишь разницей: сегодня он шёл не на тестирование. Сегодня он шёл учиться.

Воронов уже ждал его в лаборатории. На свободном столе были аккуратно разложены три предмета: тонкий планшет, массивные наушники с толстым витым проводом и распечатанный лист формата А4, на котором от руки чёрным маркером было выведено: «Сессия 1. Мягкий контур. Процент. Вероятность. Бытовой обман».

— Присаживайтесь, — кивнул Воронов. — Сегодня мы ничего не измеряем. Сегодня мы пробуем.

Юра послушно сел. Стул оказался всё тем же — офисным, с давно продавленным сиденьем. На соседнем столе уже стоял раскрытый ноутбук Кирилла. Сам аспирант сидел в углу в больших наушниках и что-то сосредоточенно читал с экрана смартфона, закинув ногу на ногу. Заметив Юру, он коротко кивнул — без тени улыбки или вчерашней надменной оценки. Просто вежливо зафиксировал присутствие.

— Итак, что мы будем делать, — Воронов говорил стоя, неторопливо расхаживая между рядами столов, словно опытный гид, объясняющий маршрут перед сложным переходом. — Запускаем три информационных канала одновременно. Визуальная картинка. Аудиальный ритм. Короткий текст. Плюс небольшой фрагмент в VR-очках — буквально десять секунд, не больше. На словах ваша задача звучит элементарно: понять, как именно работает процентная ставка, как вычисляется вероятность обмана в обычной бытовой сделке, и главное — как эти две вещи связаны между собой. Вы будете смотреть, слушать и читать. Абсолютно синхронно.

Юра кивнул. Внутри него шевельнулось жгучее нетерпение — горячее, почти осязаемое физически, похожее на нервный зуд в ладонях перед тем, как взять в руки что-то долгожданное.

— Кирилл сегодня работает на соседнем контуре, — продолжил Воронов. — У него совершенно другая задача, на порядок сложнее. Так что даже не пытайтесь себя с ним сравнивать. У каждого здесь свой собственный темп.

Кирилл за соседним столом тихо хмыкнул себе под нос. Не со зла. Просто как констатация очевидного факта: сравнивать тут действительно было нечего.

— Надевайте наушники. Планшет прямо перед вами. Очки пока не трогайте. Для начала стартуем с двух каналов.

Юра натянул плотные амбушюры. Они сели туго, надёжно отрезав его от звуков внешнего мира. Внутри этого акустического вакуума сразу стало тесно и жарко — словно он очутился в крошечной комнате с наглухо закрытыми окнами.

Воронов нажал стартовую кнопку на пульте.

Первые тридцать секунд казались вполне терпимыми.

На экране планшета возникла картинка: ровный круг, аккуратно разрезанный на сектора. Один сектор был густо покрашен красным, остальные оставались бледно-серыми. Рядом пульсировали цифры: 15%, 85%. Спокойный мужской голос в наушниках зачитывал текст — подчёркнуто медленно, с расстановкой и долгими паузами, как обычно читают сказки маленьким детям: «Если из ста человек пятнадцать соглашаются на предложенные условия, а восемьдесят пять — отказываются, это означает, что вероятность согласия равна пятнадцати сотым».

Фоном, одновременно с голосом, шёл чёткий ритм. Тихий, гипнотически пульсирующий, похожий на звук метронома, настроенного на частоту чуть выше нормального человеческого пульса. Тук-тук-тук. Не слишком громко, но методично и настойчиво. Картинка на планшете послушно менялась в такт этому звуку: серые и красные сектора круга поочерёдно вспыхивали, гасли и вспыхивали снова.

Юра неотрывно смотрел на экран и слушал. Навязанный ритм проникал в тело через наушники, через подушечки пальцев, сжимающих рамку планшета, через едва заметную вибрацию столешницы. Визуальная картинка вливалась через глаза. Размеренные слова — через уши. Три отдельных информационных ручейка плавно сливались в голове в один мощный поток, и поток этот ощущался на удивление тёплым, гладким и приятным.

«Вот оно, — с облегчением подумал Юра. — Вот как на самом деле всё это должно работать».

Никакой тупой зубрёжки. Никаких нудных лекций, на которых пальцы сами собой тянутся к спасительному экрану телефона. А именно вот так: яркая картинка, гипнотический ритм, чёткий голос — и сложные знания сами собой складываются в идеальный пазл.

На второй минуте добавился третий канал. Внизу планшета высветился короткий текст: «Процентная ставка — это цена времени. Чем дольше вы ждёте, тем дороже обходится ожидание. Банки продают время. Вы покупаете время. Обман начинается там, где вам продают чужое время по цене вашего собственного».

Юра прочитал эти строки. Перечитал снова. Фраза «банки продают время» засела у него внутри — глубоко и надёжно, будто заноза под кожей. Красиво. Доходчиво. Он вдруг отчётливо ощутил, как внутри что-то щёлкнуло — точь-в-точь как поворачивается замок, когда ключ попадает в нужную бороздку.

Темп эксперимента немного ускорился. Изображение на экране сменилось: вместо прежнего круга появилась вереница людей, выстроившихся в очередь за призами. У тех, кто уже сделал свой выбор, в руках виднелись мешочки: у одних — туго набитые, у других — совершенно пустые. Спокойный голос в наушниках тем временем пояснял: вероятность того, что вам достанется пустой мешочек, напрямую зависит от вашего места в очереди и от того, сколько и каких мешочков успели забрать те, кто стоял перед вами.

Юра внимательно вглядывался в эту виртуальную цепочку и чувствовал, как понимание разливается по телу приятной, тёплой волной. Он видел и ясно осознавал саму суть происходящего. Очередь, мешочки, доли вероятности — всё это мгновенно складывалось в ясную, гармоничную картину, которую можно было мысленно повертеть и рассмотреть со всех сторон, словно гладкую деревянную фигурку из вчерашнего теста.

На экране высветился контрольный вопрос: «Если в очереди стоят двадцать человек и на всех заготовлено двадцать мешочков, три из которых пустые, какова вероятность того, что четвёртый по счёту участник вытянет пустой?»

Юра не колебался ни секунды и уверенно коснулся нужного варианта: «Три двадцатых».

Система тут же одобрительно мигнула, засчитав ответ как верный. Следом появился новый вопрос, за ним — ещё один. Пальцы двигались быстро и безошибочно. Ритм теста нарастал, пульсируя в такт его собственным мыслям, а меняющиеся на экране задачи складывались в стройную, кристально понятную последовательность.

Кирилл за соседним столом негромко рассмеялся — коротко и с явным удовольствием, будто оценил удачную шутку в хорошем фильме. Боковым зрением Юра заметил, как тот откинулся на спинку стула и расслабленно потянулся: похоже, со своим заданием Кирилл уже справился. Или был в шаге от финала.

Юра ощутил привычный укол соперничества — слабый, мимолётный, но знакомый до боли. Впрочем, сегодня этот укол не выбил его из колеи. Внутри по-прежнему сохранялось чувство спокойной, тёплой уверенности, и он продолжал методично касаться экрана планшета, щёлкая вопросы один за другим.

На четвёртой минуте в лаборатории прозвучал сухой голос Воронова:

— Очки. Надеть. Десять секунд.

Юра послушно натянул гарнитуру. Реальность лаборатории тут же растворилась, и вместо неё открылась тёмная глубина, в которой парили символы. Крупные, мягко мерцающие, точно неоновые вывески: проценты, дроби вероятностей и соединяющие их подвижные стрелки. Вся эта сложная трёхмерная конструкция плавно вращалась в пространстве — величаво и неспешно, словно карусель в опустевшем ночном парке.

Шли отведённые десять секунд. Юра заворожённо следил за кружением величин, и ему казалось, что голова сама собой поворачивается вслед за их плавным движением. Корпус невольно подался вперёд, пальцы сжались на коленях. Внутри царил абсолютная гармония — ровная, слаженная, словно в безупречном механизме, где каждая шестерёнка подогнана идеально.

Время истекло. Юра стянул очки, и мир привычно схлопнулся до прежних рамок: стерильная комната, знакомый запах нагретого пластика, Кирилл за соседним столом и Воронов, застывший у контрольного монитора.

— Хорошо, — бесстрастно констатировал Воронов. — Теперь работаем без планшета, без наушников и без очков.

Он подошёл и положил перед Юрой чистый лист бумаги вместе с самой заурядной синей шариковой ручкой.

— Сформулируйте суть своими словами, — распорядился экспериментатор. — Ровно три предложения: как в обычной бытовой сделке связаны между собой процент, вероятность и обман. Без картинок. Без заданного ритма. Только связный текст.

Юра взял ручку и опустил взгляд на пустой лист.

И в ту же секунду всё внутри оборвалось.

Тёплая волна ясности, которая ещё мгновение назад наполняла тело силой, испарилась без следа. Вращающаяся в сознании карусель из светящихся цифр и смыслов внезапно замерла и погасла. Остались лишь безжалостно белое пространство бумаги, зажата в пальцах ручка и глухая, парализующая пустота.

А ведь он знал ответ! Ещё полминуты назад он понимал всё до мельчайших нюансов. Очередь, мешочки с неизвестным содержимым, цена ожидания, банки, торгующие временем, — всё это жило внутри него: объёмное, осязаемое, цельное. Но между этим богатым внутренним образом и кончиком ручки разверзлась непреодолимая пропасть — та самая, которую он вчера разглядывал на карте функциональных зон мозга. Красная зона. Зона последовательного вербального оформления.

С усилием преодолевая ступор, Юра вывел первое слово: «Процент». Замер и посмотрел на него. Одинокое слово сиротливо чернело на бумаге, словно кривой гвоздь, вбитый в голую стену. Теперь требовалось протянуть от него мысленную нить, выстроить строгую цепочку дальше — слово за словом, логично, последовательно, безукоризненно точно, чтобы любой сторонний человек понял его мысль.

«Процент — это...» Но что это? Цена времени. Разумеется. Но как облечь эту догадку в слова, чтобы она тут же не рассыпалась в прах? «Процент — это цена времени, которое...» Которое что? Которое продаёт кредитор? Нет, не то. Которое покупатель платит за право отсрочки? Снова мимо. Которое...

Стержень ручки застыл в миллиметре от листа. Прошло три секунды. Пять. Семь. Юра физически ощутил, как тело сковывает зажим: плечи непроизвольно полезли вверх к ушам, дыхание комом застряло в горле, а воображаемая ментальная «столешница», на которой требовалось синхронно удерживать четыре аргумента, задрожала мелкой нервной дрожью — будто за стеной со всей силы ударили по столу кулаком.

В отчаянии он всё-таки заставил себя написать: «Процент связан с вероятностью, потому что оба показывают часть от целого». Перечитал фразу. Она вышла до ужаса плоской, картонной, абсолютно мёртвой. В ней не осталось ни живого образа очереди, ни мешочков, ни глубинного понимания цены времени. Лишь два термина, насильно поставленные рядом, — точно случайные прохожие, угрюмо застывшие на остановке в ожидании чужого автобуса.

С мучительным скрипом родилось второе предложение: «Обман начинается тогда, когда человек не понимает, что именно ему продают». Следом с трудом выдавилось третье: «Вероятность помогает понять, сколько людей в итоге окажутся обманутыми».

Всего три предложения. Корявые, куцые, вызывающие жгучее чувство стыда за собственную беспомощность. Как на тех дурацких рабочих совещаниях. Как у школьной доски при попытке пересказать сложный параграф. Как всегда.

Юра отложил ручку и окинул взглядом написанное. Внутри воцарились сосущая пустота и холод. То окрыляющее ощущение лёгкости, что ещё минуту назад наполняло грудь, развеялось окончательно. Перед глазами остался лишь белый лист с тремя вымученными, убогими строчками.

Воронов молча взял листок, быстро пробежал его глазами и положил обратно на стол.

— Спасибо, — произнёс он ровным, нейтральным голосом. Никаких оценок. Ни тени разочарования. Просто сухая вежливость: «спасибо».

Кирилл за соседним столом тем временем уже сдёргнул наушники и убирал свой ноутбук в рюкзак. Он скользнул по Юре мимолётным взглядом — и в этом взгляде не читалось злобства. В нём промелькнуло совсем другое: лёгкое, озадаченное удивление. Так смотрят на человека, упорно пытающегося открыть замок чужим, неподходящим ключом.

Следующие полтора часа пролетели в непрерывном напряжении.

Воронов чередовал задания, форматы и каналы восприятия. В одном из коротких VR-эпизодов Юра очутился посреди виртуального супермаркета: вокруг высились стеллажи с товарами, на каждом пестрели ценники, и требовалось на лету определить, где скидка честная, а где — фиктивная, нарисованная хитрыми маркетологами. Ритмичный бит в наушниках менял темп и пульсацию, визуальные схемы на планшете усложнялись, а поясняющие текстовые строки внизу экрана становились всё длиннее.

И Юра справлялся. Реагировал быстро, уверенно, безошибочно. Пальцы без запинки касались сенсорного экрана, голова машинально покачивалась в такт звуковой дорожке. Внутри вновь ожило то самое тёплое, гладкое, всепоглощающее чувство: будто решение давно найдено и само складывается в идеальную конструкцию. Зрительные образы, направляющий ритм и бегущие строки сливались воедино — три информационных ручейка превращались в мощный поток, который легко подхватывал его и нёс вперёд. Казалось, подлинная суть задачи находится прямо здесь, на кончиках пальцев, впечатываясь в память без малейших усилий.

В финальном блоке Юра не допустил ни единого промаха: восемь точных попаданий из восьми. Он уверенно ткнул в каждый из восьми верных вариантов. Воронов сдержанно кивнул, фиксируя результат. Кирилл, уже взявшийся за дверную ручку, задержался на пороге и бросил взгляд на Юрин монитор. В уголках его губ мелькнула усмешка.

— Шустро, — обронил он. В этом слове не слышалось ни искренней похвалы, ни язвительной насмешки — лишь сухое признание чужой скорости.

В груди у Юры шевельнулась гордость — крошечная, хрупкая, но абсолютно настоящая. Он смог. Разобрался на лету. Чистый результат: восемь из восьми.

Но тут Воронов положил перед ним второй чистый лист.

— Тест на перенос, — объявил он безжалостно. — Никаких экранов. Никакого ритма. Никаких картинок. Условие: в магазине объявлена скидка двадцать процентов на товар, который накануне подорожал на тридцать. Выгодна ли такая покупка? Объясните логику вывода в трёх предложениях. Без калькулятора.

Юра снова взял ручку и уставился в пустое белое поле.

И мир внутри него вновь замертво встал.

Тёплая волна исчезла, будто её выключили рубильником. Внутренняя карусель образов намертво заклинила. Остались лишь бездушный лист бумаги, застывшая ручка и гулкая пустота. Плечи сами собой поползли к ушам, сжались челюсти, дыхание перехватило в спазме.

Преодолевая сопротивление мышц и разума, он вывел: «Скидка двадцать процентов после подорожания на тридцать значит, что итоговая цена всё равно выше первоначальной». Вгляделся в строчку. Формулировка казалась неуклюжей, но в ней по крайней мере теплилась здравая мысль. А вот второе предложение категорически не рождалось. Третье — тем более. Рука одеревенела, кончик стержня безжизненно замер над бумагой.

Воронов терпеливо ждал. В полном молчании, без малейших подсказок.

Юра просидел над листом четыре бесконечные минуты. Выдавил из себя ещё полторы путанные строчки и в бессилии опустил ручку на стол.

Воронов взял оба листа — первый, с тремя неуклюжими фразами, и второй, с едва начатыми объяснениями. Положил их рядом перед собой, внимательно всмотрелся в скупые строки.

— Восемь из восьми на интерактивном экране, — произнёс он негромко, почти задумчиво. — И едва полторы связные строчки на бумаге.

Юра не проронил ни слова. Внутри всё клокотало от глухого жара. Но это был уже не просто стыд — это была едкая смесь обиды и ярости. Злость на самого себя. На неподатливый белый лист. На внешний ритм, который ещё минуту назад так заботливо вёл его за собой, а теперь подло смолк. На яркие визуальные схемы, которые казались кристально понятными, но без поддержки экрана мгновенно выцвели до пустого пятна.

— Это нормально, — негромко прервал паузу Воронов. — Обычная реакция для первого раза. Завтра подробно всё разберём.

Из лаборатории Юра вышел ровно в шесть вечера. На улице стояла сырая осенняя темень. Редкие фонари горели тускло, роняя на мокрый асфальт размытые, маслянистые жёлтые пятна. Влажный воздух пах прелой листвой, холодным камнем и далёким горьковатым дымом.

Он шёл к остановке, отчётливо ощущая нарастающий внутри шум. Глубокий, внутренний шум.

Казалось, кто-то включил в голове старый радиоприёмник, настроенный на мёртвую волну: бесконечное шипение, сухое потрескивание, обрывки чужих мелодий, которые никак не желали складываться в песню. В сознании хаотично вспыхивали и тут же гасли образы недавнего эксперимента: цветные секторы круга, вереница людей с мешочками, мерцающие в темноте неоновые цифры. И ритм. Неумолимый метроном: тук-тук-тук. Он продолжал глухо отдаваться в висках, хотя наушники давно остались на лабораторном столе.

Забравшись в полупустую маршрутку, Юра прислонился головой к холодному, запотевшему стеклу. За окном неторопливо проплывал вечерний город, но Юра воспринимал его словно через мутную плёнку. Контурные смазались, уличные огни казались неестественно едкими, а звуки вокруг — чрезмерно резкими. Будто невидимый оператор выкрутил общую чувствительность реальности на пару делений выше нормы.

Синестетический шум. Юра не знал этого термина и даже не догадывался, что его мучительное состояние имеет строгое научное название. Он лишь чувствовал, как всё внутри него непрерывно гудит, плавится и перепутывается. Голос Кирилла, бросившего своё сухое «шустро», отдавался в голове навязчивым жёлтым цветом — не звуком, а именно цветом, резким и кислым, как лимонная корка на изломе. Всплывающее воспоминание о мешочках отчётливо пахло дешёвым нагретым пластиком, а ритм ощущался физически тёплым, словно кусок нагретого металла в ладони.

Все сенсорные каналы перемешались. В лаборатории они текли упорядоченными, изолированными ручейками, а теперь бесконтрольно плескались и пенились в черепной коробке, как вода в судорожно взболтанном стакане.

Дома он механически сел за стол. Мать поставила перед ним тарелку с чем-то горячим, пар лениво поднимался к потолку. Он ел — или только делал вид, что ест: вкус пищи казался далёким, напрочь приглушённым, будто между языком и едой проложили слой ваты.

Ночью уснуть так и не удалось. Он часами лежал в темноте с открытыми глазами, вслушиваясь в неумолкающий внутренний гул. Секторы диаграмм кружили под веками, ритмичный пульс мерно стучал в висках, брошенная Кириллом фраза всё так же отливала ядовито-жёлтым, а светящиеся цифры почему-то пахли озоном. Впечатления перетекали друг в друга, плавились, но упорно не собирались в осмысленный опыт.

Наутро Юра с трудом мог вспомнить, чем именно ужинал. Не мог вспомнить, погасил ли свет в прихожей и о чём коротко переговаривался с матерью. Память напоминала испорченную плёнку, исцарапанную чьим-то ногтем.

В субботу он не поехал в институт.

В воскресенье просидел дома, не выходя из комнаты.

В понедельник вышел на работу. Привычно устроился за монитором, механически разбирал тикеты и отвечал на звонки. Голоса в телефонной трубке казались нормальными, пальцы послушно и быстро выстукивали ответы на клавиатуре. Но глубже, под слоем рутины, продолжал вибрировать всё тот же назойливый, неутихающий фон. Ровный и монотонный, как гудение трансформаторной будки, как ночной стрекот старого холодильника — как бесконечно работающий прибор, у которого забыли выдернуть шнур из розетки.

Во вторник Юра снова приехал в институт. Его теперь тянуло сюда неодолимой силой незакрытого вопроса. Он опустил на деревянную скамейку в полупустом кафедральном коридоре, прижался затылком к холодной стене и замер. Бессмысленно разглядывал серый потёртый линолеум, мелькающие мимо чужие ботинки и зеленоватые отсветы люминесцентных ламп на потолке.

Воронов появился минут через двадцать. Остановился рядом, окинул его невозмутимым взглядом и негромко произнёс:

— Зайдите.

В его голосе не слышалось ни удивления, ни вопроса — лишь спокойная констатация.

Юра поднялся, прошёл следом в кабинет, опустился на уже знакомый жёсткий стул и в упор посмотрел на профессора.

— Это всё не для меня, — выговорил Юра. Голос прозвучал глухо, плоско и непривычно устало. — В прошлый раз я сидел перед чистым листом и не мог связать трёх предложений. Всего трёх! На обычной бумаге. Без шлема, без ритмических подсказок, без интерактивных картинок. Просто три ясных предложения — и полный паралич. На экране планшета — восемь из восьми, а на бумаге — полторы жалкие строчки. Это означает лишь одно: меня просто выдрессировали тыкать пальцем в нужные зоны интерфейса. В этом нет никакого настоящего понимания. Это... это цирковая дрессировка, и ничего больше.

Он замолчал, тяжело переводя дух. Внутри снова вспыхнуло глухое пламя. Но теперь это был уже не стыд, а концентрированная ярость: злость на экспериментальный метод; на навязчивый ритм, который так сладко звучал в наушниках, создавая иллюзию мысли; на яркую визуализацию, оказавшуюся пустышкой; и главное — на самого себя. За то, что так легко купился. За то, что на какие-то секунды поверил в эту тёплую волну в груди и самодовольно решил, будто по-настоящему поумнел.

Воронов долго хранил молчание, не перебивая и не заполняя паузу. Затем неторопливо поднялся, подошёл к массивному шкафу и достал плотную серую папку. Вернувшись к столу, он раскрыл её прямо перед Юрой.

На белых листах рябили распечатки телеметрии: многоуровневые графики, плотные таблицы, скачущие кривые когнитивных потенциалов. И отдельная строка внизу, жирно обведённая красным маркером.

— Это объективные данные вашего последнего тестирования, — спокойно произнёс Воронов. — Восемь безошибочных решений на сенсорном экране и полторы беспомощные строчки на бумаге. Между ними — колоссальная пропасть. То, что вы осознали её самостоятельно, — отличный результат.

Он снова опустился в кресло и внимательно посмотрел на собеседника — прямо, открыто, без тени снисхождения или жалости.

— Но я предлагаю взглянуть на эту картину под другим углом. Вы кипите от злости на саму методику. На ритмическую стимуляцию. На визуальные подсказки. На то, что они подарили вам яркое чувство понимания, а в изоляции от них это чувство мгновенно развеялось. Верно?

Юра коротко, сдержанно кивнул.

— А теперь загляните чуть глубже, — негромко продолжил Воронов, слегка подавшись вперёд. — Что именно вас так ранит? Сам факт непонимания сути? Или то, что в этой лаборатории кто-то снова увидел вас растерянным и слабым?

Юра открыл рот, чтобы мгновенно возразить, но слова застряли. Закрыл его, судорожно сглотнул и снова беспомощно приоткрыл, так и не найдя, что ответить.

Вопрос ударил в самое уязвимое место — туда, куда Юра всеми силами избегал заглядывать. В ту застарелую точку боли, где жил липкий стыд проваленных совещаний. Где тело сжималось в панический зажим, а плечи ползли к ушам быстрее, чем успевала включиться мысль. Где отец с брезгливой усмешкой бросал: «Лох» — и швырял книгу на пол. Где Сергей Викторович с мерным стуком вбивал ноготь в стекло монитора и чеканил: «Твой потолок — вот он, прямо здесь». Эти воспоминания, копившиеся долгими годами, жгли изнутри.

— Вы злитесь, — продолжал Воронов тем же негромким, бесстрастным тоном, — потому что перед экраном чувствовали себя быстрым, уверенным, почти всесильным. А перед чистым листом бумаги вновь оказались тем самым растерянным парнем, не способным связать трёх слов. И это мучительно бьёт по самолюбию. Вы надеялись, что метод избавит вас от этой боли,

станет волшебным костылём. А метод просто вытащил её наружу. Показал крупным планом, с цифрами и графиками.

Юра молчал. Внутри всё завязалось в тугой узел: задереженели плечи, перехватило шею, сбилось дыхание. Вновь ожил тот внутренний надсмотрщик, который поселился в теле ещё в детстве и поднимал тревогу каждый раз, когда на него кто-то смотрел со стороны.

— Метод не обезболивает, — произнёс Воронов. — Он лишь точно указывает, где именно сидит проблема. В прошлый раз вы впервые наглядно увидели разрыв между ощущением понимания и самим пониманием. Это неприятное открытие. Но именно оно даёт точку отсчёта.

Он захлопнул папку.

— Вы имеете полное право уйти прямо сейчас: подписанное соглашение об участии в исследовании ни к чему вас насильно не обязывает. Но если останетесь, мы препарируем этот срыв как обычную техническую задачу. Не как личный приговор, а как задачу. Выясним, почему уверенность взлетает до максимума при нулевом переносе навыка. В каких узлах каналы восприятия блокируют друг друга. В какой момент тело и вербалика не успевают за визуальным образом. Никаких моральных оценок. Никакого стыда. Чистая когнитивная механика.

Юра сидел не шевелясь, вцепившись пальцами в край столешницы. Внутри всё ещё тлела обида, но сквозь эту гарь вдруг пробилось иное чувство — слабое, тихое, непривычное. Любопытство. Не детское «хочу казаться умным», а холодное, взрослое: «я хочу наконец выяснить, на чём именно я сам себя ловлю».

— Я останусь, — сказал он.

Воронов понимающе кивнул.

Юра остался в институте допоздна.

Не от безысходности и не потому, что некуда было спешить. В пустой вечерней лаборатории, в тишине и холодном зелёном свечении ламп, можно было один на один взглянуть на своё крушение — без свидетелей. Без Кирилла, с лёту щёлкающего алгоритмы за три секунды. Без выжидающего взгляда Воронова. Без призрака отца, швыряющего книгу на пол.

Юра сидел за столом, разложив перед собой материалы: два листа с корявыми строчками и рядом — распечатку лога с отметками «восемь из восьми». Полторы строчки против безупречного результата на экране.

Он придвинул чистый лист и твёрдо вывел посередине три слова:

Уверенность. Основание. Перенос.

Вгляделся в них, задумался и аккуратно расписал под каждым понятием суть:

Уверенность: восемь из восьми. Высокая, тёплая, обманчиво монолитная.

Основание: визуальный ряд + аудиальный ритм + VR-пространство. Все опоры находились снаружи. Внутри своего фундамента не было.

Перенос: полторы строчки. На чистом листе, без внешних подсказок. Полный провал.

Он окинул взглядом получившиеся столбцы. Между ними зияла бездна. Уверенность была запредельной. Основание — целиком внешним. Перенос в реальную формулировку — нулевым. Но эта бездна больше не казалась клеймом неполноценности. Она превратилась в сухие объективные данные.

Юра продолжал всматриваться в три колонки. Синестетический шум в голове всё ещё пульсировал — тише, чем накануне, но отчётливо: перед глазами вспыхивали круговые диаграммы, ритм метронома глухо отдавался в затылке, голос Кирилла мерцал кислотовато-жёлтым. Однако сквозь этот сенсорный мусор теперь проступало нечто новое — ровное, спокойное, сосредоточенное, словно едва слышный фоновый гул в читальном зале библиотеки.

Впервые в жизни он смотрел на собственную интеллектуальную несостоятельность со стороны. Не из эпицентра детской паники. Не через призму стыда и самоуничижительного «я

дефективный». А как инженер на сбой в схеме. Вот здесь — всплеск иллюзорной уверенности. Вот здесь — отсутствие прочного фундамента. Вот здесь — обрыв сигнала при попытке переноса. Три опорные точки, между которыми пролегла трещина. И эту трещину можно измерить, разметить, описать. Можно трезво сказать: «Вот точка, где система даёт сбой». Не «я тупой», а конкретно: «сбой локализован здесь». В точных координатах.

Это знание отзывалось болью, но принципиально иной: не сокрушительным ударом под дых, а точечным уколом, указывающим на больной нерв.

Юра перевернул страницу и на обороте вывел:

«Я не тупой. Я просто подменяю подлинное понимание его эмоциональным суррогатом. Визуальный образ рождает уверенность, ритм создаёт иллюзию лёгкости. Но перед чистым листом, когда внешние подпорки отключены, остаётся лишь то, что действительно собрано в голове. А там пока ничего нет. И это нормально. Это пустое пространство, с которого начинается любая стройка».

Он перечитал формулировку. Понятие «пустое пространство» перекликалось с тем, что он видел на функциональной карте мозга: нейтральная белая зона, готовая к развитию. Только теперь этот смысл был зафиксирован не компьютерной программой, а его собственной рукой, выписан его неровным, угловатым почерком.

Юра оставался в лаборатории до двух часов ночи. Никто его не выгонял, никто не следил за ним. В зеленоватом полумраке под мерное гудение серверного шкафа он продолжал писать — не абстрактные формулы, не решения задач, а простые, медленные мысли, постепенно нащупывая почву под ногами.

Когда он вышел наружу, улицы уже вымерли. Ровно светили ночные фонари, морозный воздух был свеж и прозрачен. Синестетический хаос в голове почти угас, оставив после себя лишь лёгкое, упругое напряжение — похожее на вибрацию туго натянутой струны.

В четверг, на очередном сеансе, Воронов вывел на его планшет новую интерфейсную панель.

Три параллельные колонки с метками: «Уверенность», «Основание», «Перенос». Теперь после каждого решения система требовала дифференцированной самооценки по трём градациям: ноль, один или два — низкий, средний или высокий уровень.

— Это не система штрафов и оценок, — пояснил Воронов. — Это метакогнитивное зеркало. Вы даёте ответ и тут же фиксируете: насколько вы были уверены в выборе; на чём базировалась эта уверенность — на подсказках среды или собственной логике; и готовы ли вы воспроизвести доказательство на бумаге вслепую. Три столбца — это три постоянных вопроса к самому себе.

Юра разглядывал экран. Те самые три понятия, что он набросал на листе посреди ночи.

— Со временем это превратится в устойчивую внутреннюю привычку, — добавил Воронов. — Не за один день и не за неделю. Но наступит момент, когда перед любым выводом вы будете автоматически тестировать себя: на чём держится моё убеждение? Смогу ли я перенести его в другую плоскость? Не купился ли я на красивую картинку вместо сути?

Юра молча кивнул. Внутри зародилось новое, ещё непривычное чувство. Не эйфория и не мгновенное облегчение, а осторожная сосредоточенность — словно пробуешь ногой первый тонкий лёд, ещё не зная, удержит ли он вес.

Кирилл в этот раз снова работал за соседним столом. Сидя в наушниках, он молниеносно разбирался со своим массивом данных: его пальцы порхали по клавиатуре с привычной небрежной точностью. Закончив на добрых двадцать минут раньше Юры, он снял аудиогарнитуру, повернулся и внимательно посмотрел на соседа.

— Ну как? — негромко спросил он. — Мутит?

Юра поднял взгляд. В интонации Кирилла не прозвучало ни капли насмешки. В ней сквозило прямое, сочувственное узнавание — так смотрит человек, который сам когда-то стоял, вцепившись в раковину, не в силах различить, где верх, а где низ.

— Мутит, — честно признался Юра.

Кирилл понимающе хмыкнул, поднялся из-за стола и привычным движением закинул рюкзак на плечо. Уже у самого выхода он придержал створку и обернулся:

— Привыкнешь. Или не привыкнешь — тут уж всё зависит от того, что тебе важнее: докопаться, отчего именно тебя тошнит, или просто дожидаться, когда отпустит.

Он шагнул в коридор, и дверь за ним мягко захлопнулась.

Юра остался сидеть за столом. Перед ним светилась контрольная панель — «Уверенность», «Основание», «Перенос». Рядом лежал чистый лист бумаги. Наступил финальный этап переноса: без шлема, без ритма, без картинок.

Рука замерла над листом. Пальцы одеревенели, привычный спазм снова сдавил горло. Юра зажмурился, чувствуя, как в висках нарастает тупая пульсация, и одними губами, почти беззвучно выдохнул в пустоту комнаты:

— Я не понял...

Пауза длилась долю секунды. Но в этот краткий миг тишины ложное ощущение лёгкости окончательно отступило, обнажив голую мысль. Юра открыл глаза, опустил стержень на бумагу и вывел всего две фразы. Неровные. Рубленые. Неуклюжие. Но выстраданные и абсолютно свои:

«Процент — это цена чужого времени. Обман начинается там, где чужое время тебе продают под видом твоего собственного».

Всего два предложения вместо заданных трёх. Но в них не было фальши. Никаких внешних костылей, никакого навязанного ритма, никакой дурманящей тёплой волны. Только чистые смыслы, которые он самостоятельно собрал внутри себя, в тишине, без сторонней стимуляции.

Воронов взял лист, внимательно вчитался и сдержанно кивнул. Не стал хвалить. Не произнёс банального «хорошо». Просто молча зафиксировал факт.

В аппаратном логе системы «Ариадна» дежурный техник, обрабатывавший суточный массив данных, оставил короткую служебную записку — сухую, сделанную на бегу, перед самым уходом домой:

«17:42. Сессия 2, этап вербального переноса на бумагу. В момент, когда субъект произнёс вслух: „Я не понял“, зафиксирован кратковременный срыв предиктивной модели внимания. Длительность: 0,2 с. Вспышка поисковых микросаккад. Вероятнее всего — физиологический артефакт усталости. Рекомендовано отфильтровать как аппаратный шум».

Специалист сохранил отчёт, погасил монитор и покинул лабораторию.

Воронов открыл файл поздно вечером. Прочёл пометку. Вгляделся в график.

Взгляд зацепился за узкий, почти незаметный провал в линии прогноза. За хаотическую вспышку микросаккад, внешне напоминавшую нервное мигание. За крошечную соматическую паузу в полсекунды.

Он вглядывался в эту кривую несоизмеримо дольше, чем того требовал рабочий протокол. Так долго, что чай в кружке на подоконнике успел подёрнуться плёнкой и окончательно остыть. Наконец Воронов свернул окно программы, снял очки в роговой оправе и устало потёр переносицу.

Он не произнёс ни звука.

В углу лаборатории мерно и натужно гудел серверный шкаф. Зеленоватый свет потолочных ламп падал на линолеум холодным, стерильным пятном. Где-то в конце коридора тяжело хлопнула входная дверь, чьи-то торопливые шаги затихли вдали, уступая место ночной тишине.

Воронов сидел в пустом кабинете и смотрел в глухую стену. На ней в простой рамке висел выцветший плакат с математической моделью, которую он лично вывел двадцать лет назад. Модель была абсолютно верной. Но тогда коллеги из учёного совета не захотели в неё вникать. Заседание комиссии. Снисходительные усмешки. Ядовитое клеймо: «фантазёр и прожектёр». И последовавшее за этим сухое заявление об уходе «по собственному желанию».

Он слишком хорошо знал этот микроскопический срыв телеметрии. Знал природу этой соматической паузы. Знал эту специфическую вспышку микросаккад, маскирующуюся под обычное моргание. Потому что однажды уже видел точно такую же аномалию. На собственных графиках. Тридцать лет назад — когда испытывал на себе грубую, паянную вручную версию устройства, ставшего предтечей нынешней нейроколыбели. Тогда он счёл это случайным сбоем датчиков. Списал на погрешность и постарался забыть.

А теперь он смотрел на кривую чужого сознания. На чужое мигание. На чужой полусекундный зазор между восприятием и словом.

И молчал.

Потому что произнести правду вслух означало признать феномен. Признать — значило начать полномасштабное исследование. А начать — значило снова поставить на карту всё, подставиться под удар и опять оказаться в глазах коллег опасным фантазёром.

Он погасил экран, накинул куртку и вышел, аккуратно заперев дверь ключом.

На улице стояла промозглая, густая осенняя тьма. Фонари светили вполсилы, роняя на мокрый асфальт тусклые ореолы. Воздух горчил сырой прелью палых листьев и едва уловимым печным дымом. Воронов шагал к остановке и с тревогой прислушивался к тому, как глубоко внутри, под самыми рёбрами, шевелится забытое чувство. Щемящее ощущение человека, который однажды прикоснулся к чему-то подлинному, но не сумел подобрать слов, не сумел доказать теорию — и в итоге спрятал расчёты в дальний ящик стола, запер на замок и велел себе забыть навсегда.

А теперь это подлинное снова подавало признаки жизни. В чужом телеметрическом логе. В чужой полусекундной заминке. В чужом неосознанном моргании.

Он поднялся в салон подошедшего автобуса, занял место у окна и, прислонившись к холодному стеклу, провожал взглядом размытые огни вечернего города.

Юра в этот же вечер сидел у себя дома — в маленькой комнате, на краю кровати, держа на коленях раскрытый блокнот.

Перевернув страницу, он неторопливо вывел:

«Уверенность без основания — всего лишь красивая картинка. Уверенность, подкреплённая основанием, — это понимание. Перенос — единственное доказательство. Если ты не способен перенести смысл на чистую бумагу — в изоляции от подсказок, ритма и чужих образов, — значит, ты ничего не понял. Ты просто запомнил яркую обёртку».

Всмотрелся в написанное и чуть ниже, более мелким, беглым почерком добавил:

«Тошнота — это язык правды, на котором говорит тело. Разум легко поддаётся иллюзиям, тело обмануть невозможно. Если мутит и выворачивает — значит, внутри конструкция не собралась, где-то прячется фальшь. И это правильно. Честная тошнота в тысячу раз лучше красивой, сытой пустоты».

Он захлопнул блокнот и бережно опустил его на тумбочку — рядом со старой серой книгой, рядом с листком, где когда-то был записан парадоксальный вопрос о природе красного цвета.

За стеклом порывами шумел сырой ветер; осенний вечер окончательно растворялся в ночи. Где-то вдалеке монотонно гудела трансформаторная будка. Юра опустил на подушку и закрыл глаза.

Внутри всё ещё теплился синестетический шум — но гораздо тише, чем накануне. Почти незаметно, словно едва различимая вибрация трубы отопления, если коснуться её ладонью и

долго вслушиваться в тишину. Секторы цветных кругов больше не мельтешили перед мысленным взором, метроном не стучал в висках, а реплика Кирилла перестала отливать лимонной желтизной.

Остался лишь ровный внутренний фон. И три ключевых понятия: Уверенность. Основание. Перенос. Три опорные колонки. Три прямых вопроса к себе. Три зеркала, отражающих реальность без прикрас.

Он не стал умнее. За прошедшую неделю он не поумнел ни на йоту. Он по-прежнему не умел гладко говорить под чужим оценивающим взглядом. Не мог без внутреннего спазма пересказать сложный текст. Не научился удерживать в оперативной памяти четыре смысловых блока одновременно. Не овладел ни одним из тех эффектных навыков, о которых грезил раньше.

И всё же он остался.

Остался не ради реванша над отцом. Не из слепого упрямства. Не подстёгиваемый тем липким, привычным стыдом, что годами гнал его в тупик. Он остался потому, что впервые сумел взглянуть на собственную ограниченность со стороны — без паники и самобичевания. Не как на приговор. Не как на пожизненный потолок возможностей. А как на инженерную задачу с ясными координатами, тремя измеримыми параметрами и рабочей панелью, которую теперь можно держать в собственных руках.

И эта мучительная тошнота была неотъемлемой частью решения. Она была индикатором подлинности. Тело честно сигнализировало: «Здесь фундамент дал трещину. Здесь конструкции нет. Здесь предстоит строить с нуля». И эта суровая честность была бесконечно ценнее той гладкой лжи, что пела в наушниках и сулила лёгкую победу.

Юра уснул крепко и спокойно. Ему снилась бескрайняя белая комната — та самая, что пряталась за воображаемой дверью. Без стен, без пола, без видимых границ. Он стоял посреди этой чистой тишины и впервые не испытывал страха. Вокруг простиралась первозданная белизна. И это пространство не торопило его, не давало пустых обещаний. Оно просто терпеливо ждало начала настоящей работы.

А в лаборатории, в серверном шкафу, тихо гудел диск. На нём лежал файл с пометкой: «артефакт усталости». Строчка ждала. Терпеливо. Как ждёт всё, что ещё не пришло время назвать.

За окном осень переходила в зиму. Медленно. Неотвратно. Как переходят все вещи, которые нельзя ускорить.

Глава 4. Маленькая модель

Понедельник начался с того, что биллинг рухнул.

Юра узнал об этом ровно в восемь сорок три, когда на основном мониторе один за другим начали вспыхивать тикеты — алые, с пометкой «КРИТИЧНО», которую в их компании выставляли только тогда, когда кто-то из топ-менеджмента уже срывался на визг в телефонной трубке. Сообщения сыпались лавиной, будто монеты из распоротого кармана: «Не проходит платёж», «Двойное списание по автоплатежу», «В личном кабинете отображаются чужие паспортные данные и чужой баланс», «Почему у меня минус триста рублей, если я не выходил в сеть?». К девяти утра тикетов набралось сорок семь. К девяти пятнадцати счётчик перевалил за сотню.

Юра сидел за рабочим столом перед двумя старыми мониторами — левый, как обычно, мерзко полосил фиолетовым, — и неподвижно смотрел на этот багровеющий вал. Пальцы застыли над клавиатурой. Внутри головы, на той самой воображаемой ментальной столешнице, где ещё неделю назад приходилось с мучительным скрипом удерживать хотя бы два аргумента, сейчас стояла странная тишина. Чистая, гулкая, прозрачная — словно в пустой комнате, из которой перед ремонтом вынесли всю мебель.

Справа от него сидел Вова. Он неторопливо уминал овсяное печенье, громко хрустел и глядел на шторм в дежурной панели с тем безмятежным сочувствием, с каким пассажир рейсового автобуса разглядывает чужую аварию на обочине: жаль бедолаг, но, слава богу, разбилась не моя машина.

— Биллинг лёг, — констатировал Вова между двумя укусами, стряхивая крошки на пробел. — Судя по симптомам, ночной пакетный пересчёт встал колом. Кто-то в пятницу вечером накатил обновление без возможности быстрого отката.

— Кто? — тихо спросил Юра.

Вова равнодушно пожал плечами:

— А вот это, братан, уже не наша печаль. Наша задача — утилизировать входящий негатив от клиентов, у которых баланс улетел в минус. А кто там накосячил в коде — пусть решают в переговорке. Туда уже пошли важные люди.

Слово «переговорка» упало на стол свинцовой печатью. Юра мгновенно ощутил, как тело предательски отреагировало: плечи рефлекторно дёрнулись вверх, голова втянулась, дыхание перехватило в верхней трети груди. Внутренний сторож, спавший последние два дня, сжался в боевую стойку, ожидая неминуемой взбучки.

В десять ноль три Лида с ресепшена крикнула через весь зал:

— Орлов! Сергей Викторович вызывает. В переговорку. Срочно!

Юра поднялся. Ноги казались непривычно чужими, ватными. Ковровая плитка в коридоре глухо поглощала звук шагов. За стеклянным аквариумом переговорной уже собрался весь президиум: сам Сергей Викторович с багровеющим лицом, Катя из отдела продаж, бледный Вова, которого тоже успели выдернуть, и Дмитрий Палыч — ведущий системный архитектор, лысый, с дорогими модными очками, появлявшийся на людях исключительно в те моменты, когда требовалось найти и публично казнить виновного.

Юра вошёл и бесшумно опустился на свободный стул — продавленный и слишком низкий. Руки легли на гладкую столешницу, пальцы намертво вцепились в деревянный торец.

Сергей Викторович с глухим стуком распахнул крышку корпоративного ноутбука:

— Итак, — начал он тем бархатным, вкрадчивым тоном, которым начальство обычно проводит границу между собственной непогрешимостью и чужой некомпетентностью. — Ночной батч отработал с фатальной ошибкой. Сто двенадцать ключевых клиентов получили некорректные счета. Тридцать семь из них уже оборвали горячую линию. Двое выкатили разгромные

посты в соцсетях. Один готовит досудебную претензию в Роспотребнадзор. Вопрос предельно простой: кто допустил халатность и что мы делаем прямо сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.